

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Алексей МАХРОВ

РУССКИЕ НЕ СДАЮТСЯ!

Русские не сдаются

Алексей Махров

Русские не сдаются!

«Махров»

2015

Махров А. М.

Русские не сдаются! / А. М. Махров — «Махров»,
2015 — (Русские не сдаются)

ISBN 978-5-699-78634-3

НОВЫЙ фантастический боевик от автора бестселлеров «Спасай Россию!» и «Спасибо деду за Победу». Наш человек на Великой Отечественной войне. Провалившись в 1941 год, в самое пекло боев за Украину, «попаданец» принимает бой против гитлеровцев. Они собрали под знамена со свастикой всю Европу? Они думали воевать против нас, как на Западе, — «цивилизованно», «правильно» и «регулярно»? Они рассчитывали, что истекающий кровью СССР сложит оружие и сдастся на милость победителей? Но за Днепром «Европа кончилась — Азия началась»! Это Россия, фрицы! Здесь тысячу лет живут по завету «РУССКИЕ НЕ СДАЮТСЯ!». Здесь стоят насмерть и готовы платить за Победу любую цену. Здесь сама земля горит под ногами оккупантов. Здесь добровольцы из будущего встают плечом к плечу с дедами и прадедами.

ISBN 978-5-699-78634-3

© Махров А. М., 2015

© Махров, 2015

Содержание

Пролог	6
Часть 1. 29 июня 1941 года. Восьмой день войны	8
Из сводки Советского Информбюро[1]	9
Из дневника генерала Гальдера[2]	11
Оперативная сводка штаба Юго-Западного фронта к 20 часам 29 июня 1941 г. о боевых действиях войск фронта[3]	14
Аркадий Гайдар. Темная сила	16
Глава 1	18
Глава 2	25
Глава 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Алексей Махров

Русские не сдаются!

© Махров А. М., 2015

© ООО «Издательство «Яуза», 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

В оформлении переплета использована иллюстрация художника П. Ильина

* * *

«...Мы поняли: немцы не люди. Отныне слово «немец» для нас самое страшное проклятье. Отныне слово «немец» разряжает ружьё. Не будем говорить. Не будем возмущаться. Будем убивать. Если ты не убил за день хотя бы одного немца, твой день пропал. Если ты думаешь, что за тебя немца убьёт твой сосед, ты не понял угрозы. Если ты не убьёшь немца, немец убьёт тебя. Он возьмёт твоих [близких] и будет мучить их в своей окаянной Германии. Если ты не можешь убить немца пулей, убей немца штыком. Если на твоём участке затишье, если ты ждёшь боя, убей немца до боя. Если ты оставишь немца жить, немец повесит русского человека и опозорит русскую женщину. Если ты убил одного немца, убей другого – нет для нас ничего веселее немецких трупов. Не считай дней. Не считай вёрст. Считай одно: убитых тобою немцев. «Убей немца!» – это просит старуха-мать. «Убей немца!» – это молит тебя дитя. «Убей немца!» – это кричит родная земля. Не промахнись. Не пропусти. Убей!»

(И. Г. Эренбург, из статьи «Убей!», газета «Красная Звезда», 24 июля 1942 г.)

Пролог

– Здорово, дед!

– И тебе не хворать, Игорек!

Дедуля – крепкий широкоплечий восьмидесятилетний старик, радостно обнял меня, кольнув через рубашку орденами.

– А ты чего при параде? – спросил я, отстранившись и оглядывая впечатляющий дедов «иконостас».

Три ордена Красного Знамени, четыре Красной Звезды, медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа», еще два десятка, в том числе экзотические послевоенные «За рейд на Энтеббе» и «За штурм Окинавы». Ну и венец всего – орден Ленина и «Золотая Звезда» Героя Советского Союза. И ни одной юбилейной! Их дед вообще не признавал.

– Так я сегодня с ребятами в школу к пионерам ходил! – объяснил дед, сдувая несуществующую пылинку с рукава роскошного белого маршальского кителя. – Про начало Великой Отечественной войны им рассказывали. Сейчас жены подъедут, и мы в ресторан пойдем – сослуживцы банкетный зал в «Астории» сняли. Посидим, помянем...

Его «ребята» – это, скорее всего, генерал-полковник Михаил Сергеевич Барский и генерал-лейтенант Максим Юрьевич Зеленецкий. Вечные друзья-напарники.

– Ты извини, что я в такой день без приглашения! Просто во время нашего крайнего телефонного разговора я немного недопонял, что за узбеки тебя обидели?

– Обидели? Меня? Узбеки? – расхохотался дед. – Ты чего, полковник, охерел?

Я, глядя на его здоровенные, с набитыми костяшками кулаки, тоже усмехнулся – дедуля до сих пор в наш ведомственный спортзал ходит, в спаррингах с молодыми капитанами и майорами участвует. Попробуй его обидеть!

– Связь плохая была, половину слов не расслышал, – объяснил я.

– Так ты в командировке был? – уточнил дед.

– Да, в САСШ.

– Погоди-ка, – посерьезнел дед. – Так это твоя группа президента... того?

– Моя, – кивнул я.

Вообще-то это секретная информация, но дедуле сказать можно – как-никак бывший начальник нашей «конторы».

– Ай, молодцы! – Дед с такой силой хлопнул меня по плечу, что я чуть не упал. – Мне генеральный секретарь уже звонил, докладывал результаты операции.

– Папа тебе звонил? Только из-за этого? – немного удивился я.

– Нет, там еще... кое-что надо было решить, – отмахнулся рукой дед. – В общем, сверлите дырочки – через неделю награждение в Кремле! «Знамя» вам светит железно!

– Спасибо, дед! – поблагодарил я. – Так вот эти самые САСШ такой медвежий угол – мобильная связь с большими трудностями работала. Даже наша «Красная пчела». Вот я и не понял тебя.

– Я тебе про родственников Хуршеда Альбикова рассказывал, – хмыкнул дед. – Они хотели на открытие памятника половину Узбекской ССР притащить, просили посодействовать с транспортом – в рейсовые самолеты все не влезали, пришлось им три военных борта подогнать.

– Генералу Альбикову памятник ставят? А почему я ничего не знаю? – удивился я. – Когда открытие, где?

– Еще не скоро! На пятидесятую годовщину его героической гибели – в ноябре. В Москве, на площади Памяти бойцов специальных войск.

Наш разговор прервала впрорхнувшая в комнату бабушка:

– Игорьки! Все уже готовы! Машины у подъезда. Вы идете?

– Да, Мариночка, сейчас! – ласково улыбнулся жене дед. – Дай нам минутку!

– Игорь! Ну что же ты? – укоризненно покачав головой, сказала бабушка мужским голосом. – Не подводи меня, просыпайся!

Не понял! Почему это над нами вместо потолка вода плещется? Черная такая, как в торфяном болоте. И куда дед с бабкой подевались? Я тут, выходит, один стою? Нет – плыву! Вернее, тону в этой странной черной жиже. Только сквозь набитую в уши вату доносится неразборчивое «бу-бу-бу». По интонации понимаю – то ли кто-то зовет, то ли ругается. Уж очень экспрессивно звучит незнакомый голос. Вот ведь неймется человеку. Я тут, можно сказать, отдыхаю... Однако почему-то не могу вздохнуть. Что-то стискивает грудь! Наверное, эта черная вода. Бр-р-ррр! Какая гадость! Неохота подышать в болоте! А раз неохота – надо выбираться наверх! Вроде там блеснуло нечто... светлое. Может, солнце?

Ну-ка, Игорек, гребем ручками! И ножками себе помогаем! Наверх, наверх! Сквозь пугающую черноту, к яркому пятну небесного светила! А воздуха в легких все меньше, в висках стучит, сердце колотится... Неужели не дотяну? До поверхности всего ничего – один рывок. Делаю страшное усилие – и... открываю глаза! Ничего себе бред привиделся!

Надо мной виднеется светлое пятно. Моргнув пару раз, понимаю – это не солнце, это человеческое лицо. Усатое – значит, мужчина.

Зрение постепенно приходит в норму, круги перед глазами исчезают, и я отчетливо вижу – у мужика серые усталые глаза, набрякшие веки, свежий шрам на правой щеке, полуседые русые волосы. Шея затянута воротником защитного цвета. На красных петлицах – три рубиновые «шпалы». Лицо кажется мне смутно знакомым. Определенно я этого мужика где-то видел. Только без усов и этих... складок на лбу.

Кто же это?

– Наконец-то очнулся! – радостно восклицает «знакомый незнакомец» и участливо добавляет: – Как ты себя чувствуешь, сынок?

Эге! Я действительно его сын или это такое обращение старшего к младшему?

– Отлично! – отвечаю я. Но вместо нормальной речи из горла вылетает хрип.

Что это со мной?

Память возвращается вся. Сразу! Я, Игорь Викторович Глейман, неизвестным образом переместился на шестьдесят пять лет назад, в 1941 год, в тело своего деда, которому на тот момент было шестнадцать лет. И несколько дней после этого пытался выбраться к своим из немецкого окружения. Выбрался, получив по дороге тяжелую контузию. Последнее воспоминание – влетающая в госпитальную палату граната. И чувство полного бессилия...

Часть 1. 29 июня 1941 года. Восьмой день войны

*Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идёт война народная,
Священная война!*
(«Священная война». Композитор: А. Александров. Слова: В. Лебедев-Кумач. 1941 г.)

Из сводки Советского Информбюро¹

29 июня финско-немецкие войска перешли в наступление по всему фронту от Баренцева моря до Финского залива, стремясь прорвать наши укрепления по линии госграницы. Неоднократные атаки финско-немецких войск были отбиты нашими войсками. В результате боёв за день противник, оставив в целом ряде пунктов сотни убитых и преследуемый огнём нашей артиллерии, отошёл к своим укреплениям.

На ВИЛЬНЕНСКО-ДВИНСКОМ направлении попытки подвижных частей противника воздействовать на фланги и тыл наших войск, отходящих в результате боёв в районе ШАУЛЯЙ, КЕЙДАНЫ, ПОНЕВЕЖ, КАУНАС на новые позиции, успеха не имели. Энергичными контратаками наших войск подвижным частям противника нанесён значительный ущерб как в личном составе, так и особенно в материальной части.

На МИНСКОМ направлении усилиями наших наземных войск и авиации дальнейшее продвижение прорвавшихся мотомехчастей противника остановлено. Отрезанные нашими войсками от своих баз и пехоты мотомехчасти противника, находясь под непрерывным огнём нашей авиации, поставлены в исключительно тяжёлое положение. Отходящие от госграницы наши пехотные части прикрывают ожесточённые бои и сдерживают продвижение моторизованных и пехотных войск противника на линии ЛИДА – ВОЛКОВЫСК.

На ЛУЦКОМ направлении сражение крупных механизированных масс продолжается. Несмотря на ввод противником на этом направлении свежих танковых частей, все его попытки прорваться на НОВОГРАД-ВОЛЫНСКОМ и ШЕПЕТОВСКОМ направлениях отбиты; рядом последовательных и непрерывных ударов наших танковых войск и авиации большая часть танковых и моторизованных войск противника разгромлена.

По словам пленных, одна танковая дивизия противника в бою под г. Лида полностью уничтожена.

Наша авиация вела успешные воздушные бои с авиацией противника, непрерывно бомбардировала его прорвавшиеся танковые части и моторизованную пехоту и мощным ударом с воздуха способствовала нашим войскам, особенно на Луцком направлении.

* * *

Гитлер и его генералы, привыкшие к лёгким победам на протяжении всей второй империалистической войны, сообщают по радио, что за семь дней войны они захватили или уничтожили более 2000 советских танков, 600 орудий, уничтожили более 4000 советских самолётов и взяли в плен более 40 000 красноармейцев; при этом за тот же период немцы потеряли будто бы всего лишь 150 самолётов, а сколько потеряли танков, орудий и пленными – об этом германское радио умалчивает.

Нам даже неловко опровергать эту явную ложь и хвастливую брехню.

На самом деле положение рисуется в совершенно другом свете. Немцы сосредоточили на советской границе более 170 дивизий; из них по крайней мере третья часть представляет танковые и моторизованные дивизии. Воспользовавшись тем, что советские войска не были подведены к границам, немцы, не объявляя войны, воровским образом напали на наши пограничные части, и в первый день войны хваленые немецкие войска воевали против наших пограничников, не имевших ни танков, ни артиллерии. К концу первого дня войны и весь второй день войны только передовые части наших регулярных войск имели возможность принимать участие в боях, и только на третий, а кое-где на четвёртый день войны наши регулярные войска

---

¹ Здесь и далее – подлинные сводки Советского Информбюро. Орфография оригинала сохранена.

успели войти в соприкосновение с противником. Именно ввиду этого удалось немцам занять Белосток, Гродно, Брест, Вильно, Каунас.

Немцы преследовали цель в несколько дней сорвать развёртывание наших войск и молниеносным ударом в недельный срок занять КИЕВ и СМОЛЕНСК. Однако, как видно из хода событий, немцам не удалось добиться своей цели: наши войска всё же сумели развернуться, и так называемый молниеносный удар на КИЕВ, СМОЛЕНСК оказался сорванным.

В результате упорных и ожесточённых боёв за период в 7–8 дней немцы потеряли не менее 2500 танков, около 1500 самолётов, более 30 000 пленными. За тот же период мы потеряли: 850 самолётов, до 900 танков, до 15 000 пропавшими без вести и пленными.

Такова картина действительного положения на фронте, которую мы с полным основанием противопоставляем хвастливым сообщениям германского радио.

Итоги первых 8 дней войны позволяют сделать следующие выводы: молниеносная победа, на которую рассчитывало немецкое командование, провалилась; взаимодействие германских фронтов сорвано; наступательный дух немецкой армии подорван; а советские войска, несмотря на их позднее развёртывание, продолжают защищать советскую землю, нанося врагу жестокие и изнуряющие его удары.

Из дневника генерала Гальдера²

На фронте группы армий «Юг» все еще продолжаются сильные бои. На правом фланге 1-й танковой группы 8-й русский танковый корпус глубоко вклинился в наше расположение и зашел в тыл 11-й танковой дивизии. Это вклинение противника, очевидно, вызвало большой беспорядок в нашем тылу в районе между Бродами и Дубно. Противник угрожает Дубно с юго-запада, что при учете больших запасов вооружения и имущества в Дубно крайне нежелательно.

В тылу 1-й танковой группы также действуют отдельные группы противника с танками, которые даже продвигаются на значительные расстояния.

Необходимо глубоко продумать вопрос о своевременном создании соответствующей группировки в группе армий «Юг» для ведения ею дальнейших операций. Существующая группировка не соответствует предстоящим задачам группы армий «Юг». Дальнейшая задача группы армий «Юг» состоит в том, чтобы, не ведя серьезных фронтальных боев, прорвать русскую тыловую оборонительную позицию, проходящую по линии Белокоровичи, Новоград-Волынский, Могилев-Подольский, устье Днестра, а затем повернуть на юг западнее Днепра. Имеется два удобных участка для прорыва: на севере, где главный удар следует нанести в направлении Новоград-Волынский, Житомир, и на юге, в районе Староконстантинова, где должна действовать другая, менее сильная, но также приспособленная для прорыва ударная группа. Здесь, видимо, имеется брешь в укреплениях. Если здесь удастся прорваться, то ударная группа, наступающая севернее, сможет повернуть от Житомира на юг, выделив заслоны на север и против Киева.

Группа армий «Юг» должна начать перегруппировку сил для предстоящего прорыва тыловой оборонительной позиции русских. При этом следует учитывать вероятность того, что фронтально отходящие русские войска организованно отойдут и закрепятся на этом оборонительном рубеже, а также подтянут сюда по железным дорогам резервы из глубины. 1-й танковой группе придется придать пехоту. (Видимо, это не было сделано умышленно в связи с разногласиями, возникшими между командованием 1-й танковой группы и 6-й армии.) 17-ю армию придется эшелонировать на большую глубину, а часть сил из ее состава перебросить в 6-ю армию и 1-ю танковую группу. Для того чтобы достаточно усилить правое крыло группы армий, которое теперь, после овладения районом Ровно, может подвергнуться атаке противника с севера, из восточной части Полесья, следует своевременно произвести перераспределение артиллерии, саперных частей и частей связи в соответствии с новым планом наступления на тыловую оборонительную позицию противника.

Оперативный отдел Генерального штаба сухопутных войск получил указание обсудить эти вопросы с командованием группы армий «Юг».

* * *

Разговор с Кейтелем (ОКВ) снова показал, что фюрер проявляет беспокойство по поводу: а) напряженного положения на фронте 1-й танковой группы южнее Дубно; б) угрозы прорыва противника из района Пинских болот (из района Рокитно); в) преждевременного

---

² Франц Гальдер (нем. Franz Halder) (1884–1972) – военный деятель Германии, генерал-полковник. В период с 1938 по 1942 год – начальник штаба Верховного командования сухопутных войск вермахта. В сентябре 1942 года смещен Гитлером с этого поста в связи с провалом стратегии немецкого командования в битве на Волге и Северном Кавказе. В июле 1944 года арестован по подозрению в причастности к покушению на Гитлера и помещён в концлагерь Дахау. Здесь и далее – подлинные выдержки из его дневника.

выдвижения группы армий «Центр» за линию Минск, Бобруйск до окончательной ликвидации мешка восточнее Белостока.

Я постарался успокоить фюрера.

Сведения с фронта подтверждают, что русские всюду сражаются до последнего человека. Лишь местами сдаются в плен, в первую очередь там, где в войсках большой процент монгольских народностей (перед фронтом 6-й и 9-й армий). Бросается в глаза, что при захвате артиллерийских батарей и т. п. в плен сдаются лишь немногие. Часть русских сражается, пока их не убьют, другие бегут, сбрасывают с себя форменное обмундирование и пытаются выйти из окружения под видом крестьян. Моральное состояние наших войск всюду оценивается как очень хорошее, даже там, где им пришлось вести тяжелые бои. Лошади крайне изнурены.

Генерал-инспектор пехоты Отт доложил о своих впечатлениях о бое в районе Гродно. Упорное сопротивление русских заставляет нас вести бой по всем правилам наших боевых уставов. В Польше и на Западе мы могли позволить себе известные вольности и отступления от уставных принципов; теперь это уже недопустимо.

Воздействие авиации противника на наши войска, видимо, очень слабое.

17.00 – Кейтель (ОКВ) сообщил, что следует еще сегодня ввести в действие истребительную авиагруппу на фронте группы армий «Юг».

Донесения:

На левом фланге группы армий «Север» передовой отряд 1-го армейского корпуса ворвался в Ригу. Сюда подтягивается также передовой отряд 8-го армейского корпуса. Железнодорожные мосты в полной сохранности, шоссейные мосты взорваны.

Обстановка на фронте вечером:

На фронте группы армий «Юг» развернулось своеобразное сражение в районе южнее Дубно. 16-я танковая дивизия, оставив высоты в районе Кременца, атакует противника с юга, в районе Кременца 75-я пехотная дивизия наступает с запада, 16-я моторизованная дивизия – с северо-запада, 44-я пехотная дивизия – с севера и 111-я пехотная дивизия – с востока. На стороне противника действует 8-й механизированный корпус. Обстановка в районе Дубно весьма напряженная.

На северном участке фронта группы армий «Юг» также идут упорные бои (северный фланг танковой группы Клейста).

Все атаки (предположительно русского 17-го стрелкового корпуса) из района Пинских болот (район Рокитно) отбиты. 13-я танковая дивизия наступает во главе ударного клина из района Ровно в направлении реки Горынь. За ней во втором эшелоне следует 25-я моторизованная дивизия. Северный фланг танковой группы прикрывает 14-я танковая дивизия, которая будет сменена 298-й пехотной дивизией. Севернее, в районе Ковеля, к ним примыкает 17-й армейский корпус.

В районе Львова противник медленно отходит на восток, ведя упорные бои. Здесь впервые наблюдается массовое разрушение противником мостов.

Дальнейшие планы. Группа армий «Юг» (обсуждено с командованием группы армий «Юг») будет наступать на хорошо укрепленную тыловую оборонительную позицию русских севернее Днестра, имея сильное северное крыло. Ширина фронта на этом крыле должна быть достаточной, чтобы использовать бреши, образующиеся на фронте противника, и в то же время войска должны быть глубоко эшелонированы, чтобы выставить заслон на север, а в ходе дальнейшего продвижения на юг иметь в распоряжении силы для прикрытия своего заходящего фланга от ударов противника с севера – с гомельского и киевского направлений.

Может оказаться, что танковые авангарды северного крыла не смогут одни прорвать оборону противника и будут вынуждены ожидать подхода пехотных соединений. В этом слу-

чае решающий успех на этом участке фронта может быть достигнут только между 10 и 15 июля.

Сведения о противнике На юге перед фронтом группы армий «Юг» каких-либо новых перебросок войск в тыл не обнаружено. Можно предположить, что за последние дни противник ввел в бой против группы армий «Юг» все свои танковые соединения, находившиеся южнее Пинских болот, причем их наименования (у нас они были обозначены как кавалерийские дивизии и мотомеханизированные бригады) совершенно расходятся с имевшимися у нас данными. Перед румынским фронтом противник, по-видимому, отводит свои войска за Днестр. Перед фронтом группы армий «Центр» наблюдается движение походных колонн противника с юга в направлении Смоленска (предположительно – сосредоточение группы, прикрывающей Москву). Продолжается движение по железной дороге Двинск – Псков в направлении Пскова. Очевидно, здесь происходит эвакуация.

Руководящий штаб прибалтийской группировки противника переместился из Двинска в Резекне.

Из Венгрии сообщают, что карпатский корпус сможет начать наступление 2.7. Вопрос о его подчинении еще требует уточнения. Наилучшим решением представляется его подчинение командованию группы армий «Юг».

Италия представила сведения о составе своего корпуса, предназначенного для действий в России. Численность корпуса около 40 000 человек.

Словакия выставила на фронт две дивизии и одну моторизованную бригаду, которая уже участвует в боях на правом фланге 17-й армии (на Днестре у Самбора).

Испания намеревается направить в Россию один легион численностью 15 000 человек. Мы хотим перебросить его в Рембертув (Варшава) и здесь вооружить.

В Норвегии корпус Дитля начал наступление из района Петсамо на Мурманск. Наша авиация совершила налет на Мурманск.

Из Финляндии получен новый план наступления, отвечающий нашим требованиям. Этот план предусматривает наступление силами не менее шести дивизий восточнее Ладожского озера. Германская дивизия [163 пд], перебрасываемая из Норвегии, будет введена в бой на направлении главного удара для усиления ударной группировки. Снабжение этой дивизии будет обеспечивать армия Фалькенхорста (армия «Норвегия»). В тактическом отношении она [дивизия] будет подчинена непосредственно фельдмаршалу Маннергейму.

Во второй половине дня явились три мои адъютанта с поздравлениями по случаю моего дня рождения.

Оперативная сводка штаба Юго-Западного фронта к 20 часам 29 июня 1941 г. о боевых действиях войск фронта³

Начальнику Генерального штаба Красной армии

Копия:

Киев, генерал-лейтенанту Яковлеву

Шепетовка, генерал-лейтенанту Лукину

Начальнику штаба Западного фронта (через Москву)

*Начальнику штаба Южного фронта (через
Москву)*

1. 5-я армия к течению 28.6.41 г., понеся большие потери, отошла на р. Стырь и к исходу 29.6.41 г. обороняет западный берег р. Стырь и р. Горынь на фронте:

31-й стрелковый корпус – Колки, Сокуль;

27-й стрелковый корпус – (иск.) Колки, Серники;

215-я и 131-я моторизованные дивизии – Езерко, Романувка;

9-й механизированный корпус – Хорлупы, Олыка;

19-й механизированный корпус – Тучин, Гоца;

124-я стрелковая дивизия – Сымонув, Милятын.

36-й стрелковый корпус перешел к обороне на фронте:

228-я стрелковая дивизия – Липа, Семидубы;

140-я стрелковая дивизия – Градки, Судобиче;

146-я стрелковая дивизия – Студзянка, Сапанув;

14-я кавалерийская дивизия – Бережце, Дунаюв.

Штаб 5-й армии – Костополь.

Противник стремится развить успех в направлениях: Владимир-Волынский, Ровно и Сокаль, Дубно, Острог.

2. 6-я армия отошла на рубеж Каменка Струмилова, Жулкев, Грудек Ягельоньски. Противник в течение 28.6.41 г. усиленно обстреливал артиллерийским огнем и бомбил Львов, его окрестности и боевые порядки войск.

Фронт Каменка Струмилова, Жулкев прикрывает 3-я кавалерийская дивизия с 491-м стрелковым полком 159-й стрелковой дивизии.

41-я стрелковая дивизия с частями 159-й стрелковой дивизии – Жулкев.

97-я стрелковая дивизия – восточнее Янув на подступах к Львов.

81-я моторизованная дивизия – Грудек Ягельоньски.

4-й механизированный корпус выведен в лес восточнее Львов.

Штаб 6-й армии – Рэмэнув.

37-й стрелковый корпус перешел к обороне на фронте Нв. Почаюв, Подгорце, Ожыдув.

8-й механизированный корпус:

34-я танковая дивизия ведет бой на западном берегу р. Иква у Дубно.

7 сд⁴ и часть 12-й танковой дивизии находятся в Суходол.

5-й кавалерийский корпус (14-я кавалерийская дивизия и управление 5-го кавалерийского корпуса) обороняется на рубеже Кременец, Дунаюв.

---

³ Здесь и далее – подлинные документы штаба Юго-Западного фронта.

⁴ Так в оригинальном документе. Должно быть: «7-я моторизованная дивизия», входившая в состав 8-го механизированного корпуса, т. к. 7-й стрелковой дивизии в это время на Юго-Западном фронте не было.

*15-й механизированный корпус ведет бой на фронте Станиславчик, Лопатын, Поло-
нична.*

3. 26-я армия (8-й стрелковый корпус):

173-я стрелковая дивизия занимает рубеж Грудек Ягельоньски, Чуловице.

99-я стрелковая дивизия – на рубеже (иск.) Чуловице, отметка 262.

72-я горно-стрелковая дивизия – на рубеже Волоша, Ураж.

Штаб 26-й армии – Миколаюв.

ШТАБ ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА

ТАРНОПОЛЬ

29.6.41 20.00

Подписано: Баграмян⁵

---

⁵ Баграмян Иван Христофорович (Ованес Хачатурович) (1897–1982) – советский военачальник, дважды Герой Советского Союза, кавалер семи орденов Ленина, Маршал Советского Союза, член ЦК КПСС. В июне 1941 года – начальник оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта.

Аркадий Гайдар. Темная сила

Фронтовой очерк⁶

Он лежит передо мной на узкой госпитальной койке под серым суконным одеялом. Тяжело контуженный, с трудом ворочающий руками и ногами. Его лицо бледнее мела, под глазами черные круги, в русых волосах пряди седины, а ведь ему всего шестнадцать лет. Этот молодой парень, комсомолец Игорь Глейман, сын кадрового командира Красной армии был свидетелем настолько чудовищных преступлений фашистских извергов, что даже мне, взрослому мужчине, военному, видевшему много смертей, трудно представить себе весь ужас, через который он прошел.

Началось все ранним утром 25 июня. На мирный эшелон, эвакуирующий подальше от линии фронта детей и жен командиров Красной армии, набросились гитлеровские воздушные стервятники. Они не могли не видеть, что внизу нет ни одного военного, а только мирные советские граждане, женщины и дети, но негодяи не ограничились бомбардировкой, а с садистским наслаждением продолжали расстреливать из пулеметов спасающихся из горящих вагонов беззащитных людей.

Осколок бомбы чиркнул Игоря по голове, но, обливаясь кровью, он помогал своим товарищам укрываться от несущейся с неба смерти. Наконец фашистские самолеты, израсходовав весь боезапас, улетели. Вокруг пылающего на насыпи поезда лежали десятки убитых, стонали сотни раненых. Глейман, преодолевая боль, собрал вокруг себя немногих уцелевших, таких же молодых парней и девчонок. Вместе они принялись перевязывать пострадавших, используя обрывки рубашек и носовых платков.

Затем раненых начали переносить в ближайшую рощицу, чтобы укрыть от повторного налета. Но новая страшная беда уже подступала к ним по земле! Не успели юные комсомолцы отнести в укрытие несколько десятков наиболее пострадавших, как к догорающему поезду выехали несколько угловатых серых коробок – немецкие танки из прорвавшейся через линию фронта части 11-й германской танковой дивизии. Увидев легкую добычу, вражеские танкисты, не раздумывая, кинулись на советских людей, словно бешеные волки. Некому было оказать им сопротивление, и мерзавцы даже не стали стрелять – начали давить гусеницами израненных детей и женщин. Матери в отчаянии пытались своими телами закрыть детишек от надвигающейся смерти, но им не остановить было жуткую лязгающую стальную коробку, ведомую безжалостными убийцами. Танки, под хруст человеческих костей, продолжали перепахивать траками черную от крови землю.

Игорь, занимаясь устройством раненых в укрытии, не успел остановить расправу, он подоспел в тот момент, когда большинство палачей уже покинули место ужасающей бойни. Только несколько немецких солдат задержались, чтобы сфотографироваться на фоне растерзанных человеческих тел. Глейман вместе со своим другом Михаилом Барским сумели подкрасться к мерзавцам и заколоть их ножами в завязавшейся рукопашной схватке. Затем, завладев трофейным оружием и мотоциклом, молодые комсомолцы бросились вдогонку удирающим танкистам. И настигли их через несколько километров, когда фашисты наткнулись на бойцов Красной армии. В завязавшемся бою комсомолцы, используя эффект внезапности, атаковали гитлеровцев с тыла. Глейман метким выстрелом с пятисот метров попал точно в голову высунувшемуся из башенного люка немецкому офицеру. Это был полковник Ангерн, командовавший этой бандой кровавых убийц. Потом Игорь сумел вплотную подобраться к вражеской бронетехнике и забросать фашистов гранатами, но и сам рухнул, сраженный близким взрывом.

---

⁶ Имитация фронтового очерка А. Гайдара с максимально полным сохранением его авторского стиля.

Лишившись своего командира, атакуемые с нескольких направлений, гитлеровцы бросились врассыпную, оставляя раненых, оружие, снаряжение и технику. Потерявшего сознание, тяжело контуженного Игоря Глеймана подобрала красноармейцы. Его и всех раненых детей вывезли в тыл. Наши бойцы, увидевшие место кошмарного преступления, поклялись жестоко отомстить проклятым фашистским гадам.

– Это не люди! Это просто двуногие твари! Их надо безжалостно карать! Всех кровавых упырей, с оружием в руках вступивших на Советскую землю, надо закопать, вбив в их могилу осиновый кол! – закончив свой рассказ, сказал мне на прощание Игорь.

Темная вражеская сила! Ты здесь! Ты рядом! Грохочет на западе фронт, мелькают в ночи яркие вспышки зарниц, убийцы готовятся нанести новый подлый удар.

Иди! Наступай! И прими смерть от рук вот этого юного комсомольца и его боевых товарищей! А им помогут сотни тысяч таких же храбрых комсомольцев, коммунистов, бойцы нашей доблестной Рабоче-Крестьянской Красной армии, миллионы советских людей!

За нашей спиной, на востоке, большая, светлая страна всей своей мощью поднимается для решительного боя с ненавистой фашистской нечистью, и вам, двуногие твари, не будет никакой пощады!

Аркадий Гайдар

Действующая армия

«Комсомольская правда», 1941, 29 июня.

Глава 1

Я вспомнил! Вспомнил предыдущие три дня. Наполненные яростью и болью, почти постоянным чувством бессилия и редкими вспышками мстительного удовлетворения от смерти врагов. Три дня, всего лишь три дня я пребываю в горящем июне 1941 года. А кажется – прошла целая вечность, впору писать первый том мемуаров, столько событий поместилось в эти дни.

А вот сидящего рядом мужика в военной форме я не помню! Но тогда почему у него такое знакомое лицо? Черт! Так почти такое же лицо я каждый день видел в зеркале, когда брился, на протяжении последних двадцати лет! Только усов я никогда не носил. Получается, что он какой-то мой близкий родственник. А самый ближайший ко мне сейчас по времени и пространству родственник – мой прадед, подполковник Красной армии.

Так вот почему он меня сыном назвал – за деда принимает. И правильно делает – я ведь именно в теле деда и нахожусь. Значит, придется соответствовать – называть его папой. Как назло, дед почти ничего про Петра Дмитриевича не рассказывал. И как мне себя вести? Симулировать амнезию? Придется, я ведь действительно ничего не помню! Даже как дед прадеда называл: отцом, папой или батей...

– Воды! – прошу я. А из горла снова не слова, а какой-то клекот.

Подполковник осторожно приподнял мою голову и поднес к губам фляжку. Жадно сделав несколько глотков, я облегченно откинулся на что-то жесткое. А что это с подушкой стало? Только сейчас замечаю, что лежу не в палате – над головой брезентовый потолок палатки. И лежу не на кровати, а прямо на полу.

– Так как ты себя чувствуешь, сынок? – снова спрашивает прадед.

Прислушиваюсь к своему телу. Вроде бы ничего не болит, только в ушах легкий шум стоит. Пробую шевелить руками и ногами – они шевелятся, хоть и довольно вяло. Странно... Как же так? В палате ведь граната рванула! Да меня бы осколками нашпиговало, как булку изюмом! Или граната не взорвалась? Сам момент взрыва я ведь не видел... Помню, что влетела в дверь, а дальше...

– На удивление неплохо себя чувствую! Но ведь этого просто не может быть! – хрипло говорю я.

– Гранату вспомнил? – понятиливо кивает прадед. – Так ты уцелел благодаря чуду. На тебе ни одной царапины. А имя этого чуда – Владимир Петров. Тот парень, что с тобой в одной палате лежал... Он собой ту гранату накрыл!

– Володя? Накрыл гранату?! – оторопел я. – А он?..

– Погиб, конечно! – мотнул головой подполковник. – После такого не выживают!

– Значит, жить мне теперь за себя и за него... – угрюмо пробормотал я, отворачиваясь.

Вот ведь... Володя Петров, старшина-разведчик, впоследствии оказавшийся лейтенантом-гэбэшником. Он ведь совсем молодой был – лет двадцати пяти – двадцати семи, не больше. И пожертвовал собой ради меня... Поступок, достойный настоящего мужчины.

– А что с теми гадами, которые напали на госпиталь?

– Половина ушла! – тяжело вздохнул прадед. – Причем сами своих раненых добились... Очевидцы утверждают, что они все в нашей форме были и по-русски хорошо говорили. В штаб корпуса проникли и несколько командиров зарезали. Хорошо, что начоперод⁷ бдительный попался – как-то их раскусил, тревогу поднял. А то ведь могли втихую весь штаб перебить.

Да уж, могли... Что-то я такое читал про таких диверсантов... Их вроде всего полк был, и название у него... О, вспомнил! «Бранденбург»! Только что это мне дает? Да ничего! Думаю,

---

⁷ Начальник оперативного отдела штаба.

что о самом факте существования этого подразделения нашим спецслужбам известно. И не мне учить службу безопасности бдительности. Введут особую систему паролей и пропусков – лучшее средство от такой напасти, как переодетые диверсанты.

Не о том думаю! Мне решать нужно, как себя с прадедом вести! Причем решать прямо сейчас! Малейший прокол на ерунде и... А собственно, что мне грозит? Уж точно не обвинение в шпионаже! Значит, можно пойти по проторенной дорожке «здесь помню, здесь не помню».

– Послушай... те... отец, вам сказали, что со мной произошло? – делаю первый пристрелочный выстрел.

– Чего? – удивленно вытаращился на меня прадед. – Как-то странно ты заговорил... Мне рассказали, что ты под бомбежку попал.

– Это вам не все рассказали! – осторожно продолжаю напускать туману. – Я попадал под бомбежку три раза. И первый раз – в поезде, четыре дня назад. Чем-то мне по башке прилетело...

– Да, я вижу – у тебя чуть выше лба свежий шрамик! Но к чему ты ведешь? – недоуменно спросил прадед.

– Я потерял память! – выпаливаю на одном дыхании. – Забыл даже, как меня зовут! Потом начал что-то вспоминать, но вот вас... Не помню!

– Это же как так? – оторопел прадед. – Но ты ведь меня...

– Отцом назвал? Да! Но я просто догадался, что вы мой отец! – И, видя, как вытягивается от удивления лицо прадеда, принимаюсь объяснять: – Открываю глаза и вижу: рядом сидит подполковник, внешне похожий на меня. А ведь мне уже сообщили: мой отец – командир Красной армии. Вот я и сопоставил!

– Хорошо, что сообразительность тебе не отшибло! Ты и мать не помнишь? – убитым голосом спрашивает прадед.

– Понимаете, я вообще ничего не помню! Ни вас, ни мать, ни наш дом! Я словно заново родился... там, возле горящего после авианалета эшелона. Все, что я знаю, – свое имя, ваше имя...

– А мне сказали, ты тут геройствовал вовсю! К ордену Красной Звезды тебя представили.

– Ну, стрелять-то я не разучился! Потом просто повезло...

– Да, дела... – протянул прадед. – Что же нам теперь... Ладно, раз ты только три дня назад родился, то давай знакомиться заново! Называй меня папой и на «ты». Как мать зовут, тебе сказали?

Хм... Кто бы мне об этом сказал? Хорошо, что я и так знаю... Однако надо соответствовать «легенде», поэтому отрицательно мотаю головой.

– Мать – Надежда Васильевна Глейман, в девичестве Петрова. К ней тоже обращайся на «ты» и зови мамой. Братьев и сестер у тебя нет, а про дедов и бабок я позже расскажу, сейчас недосуг. Ты извини, сынок, но мне пора идти. Я ведь к тебе заскочил всего на пару часов. А у вас тут такое творится – почти как на фронте. Ты без сознания лежишь, бледный, как простыня. Я уж, грешным делом, подумал, что... Эх, ладно! Главное – жив остался! Надеюсь, что память вернется! Так я пойду? А то надо еще на почту зайти, матери в Москву телеграмму отбить. Хорошо хоть она ко мне «отдохнуть» не приехала...

Кажется, прадед в растерянности. Не знает, как себя вести с потерявшим память сыном, и хочет взять паузу для обдумывания сложившейся ситуации. Да и мне такая передышка бы не помешала.

– Конечно, иди... папа! Со мной все будет хорошо! Не хватало еще, чтобы ты на меня отвлекался! Маме напиши, что я в полном порядке, а то волноваться будет.

– Она и так уже наверняка волнуется – ты ведь должен был домой еще вчера приехать. Ну, ты... держись! Я еще вечером заскочу – мой полк неподалеку от города встал, будем подкрепления принимать.

– Большие потери?

– Почти половина... – горестно вздохнул подполковник. – Но, в общем, по дивизии еще хуже – до трех четвертей личного состава. Комдив тоже погиб. И большая часть штаба... Всё, я пошел!

Прадед вышел из палатки, только качнулся полог. Гм «хороший» получился разговор, «душевный», блин! И что мне было делать? Рассказать как на духу Петру Дмитриевичу всю правду? Что я не его сын, а правнук? Он, бедолага, и без того в шоке от моей «амнезии», а после таких откровений так и вообще... хоть и крепкий мужик, но запросто может «слететь с катушек». А ведь ему же еще полком командовать! И что он там накомандует в таком состоянии? Ладно, тонкий душевный контакт с предком потом наладим. Если доживем!

Ко мне подошла незнакомая девушка в белом халате медсестры:

– Как вы себя чувствуете, больной?

– Почти хорошо, – с улыбкой ответил я. – А где Дуня, где Гавриловна?

Девушка всхлипнула и отвернулась. Неужели?..

– Они погибли! – выдавила медсестра и, зарывав в голос, убежала.

Вот так, Игорек! Один короткий бой – и все, кого ты знал, ушли в небытие. Эта проклятая война...

Интересно, как там ребята? Капитан-разведчик с громким голосом? Он ведь незадолго до налета немцев пошел Дуняше помогать, раненых выносить...

– Игорь, ты здесь? – в палатку просунулась чья-то голова. Против света я не сразу разглядел спрашивающего. Да и он не смог с ходу увидеть меня в полумраке. – Эй, служивые, хлопца молодого, Игорем зовут, не видали?

Только теперь по характерным словечкам я догадался, что меня навестил дед Пасько. Ой, извините – полковник Павленко.

– Игнат Михалыч! Здесь я! – Голос почти прорезался. Уже не так хриплю, как час назад.

– Игорь, живой? – Павленко задал самый дурацкий в данных обстоятельствах вопрос.

– Твоими молитвами, дед! Сам-то как? Не прислонили тебя к стенке страшные жидокомиссары?

– Удивительно, но... нет! – Игнат зашел в палатку и устало опустился на землю рядом со мной, привычным жестом пристроив на коленях винтовку. – Сам не ожидал. Меня даже и не допрашивали, а так... любопытствовали... Вот, винтарь оставили! Я ваше «гэпеу» вообще не заинтересовал – их больше та расправа над детишками занимала. До сих пор с трудом верится, что люди могли такое совершить... В общем, решил я... добровольцем в Красную армию пойти! Вот уж не думал, что когда-нибудь скажу такое!

– Что скажешь?

– Что добровольно вступлю в Красную армию! – усмехнулся старик. – Правда, командиры сказали, что возраст у меня не тот... Но я на спор предложил пострелять по банкам – и на триста шагов промаху не дал!

– Да ты орел, Игнат Михалыч! – похвалил я, вспомнив, как в перестрелке у дороги дед методично валил вражеских пулеметчиков. – Так все-таки взяли тебя?

– Взяли! – довольно кивнул Игнат. – Правда, приписали к комендантскому взводу, но лиха беда начало!

– Я надеюсь, ты не стал говорить, что твое крайнее звание было...

– Ну, что ты, Игорь, я же не дурак! – усмехнулся старик. – Назвался Игнатом Пасько, колхозником. Тем более что документы у меня именно на это имя. И я надеюсь, что и ты...

– Заметано, Игнат Михалыч! – серьезно произнес я. – Начинай служить с чистого листа!

– Ага! – успокоился старик. – Я как раз шел к старшине, на довольствие вставать. Да вот увидел по пути палатки санитарные и решил тебя навесить. Говорят, германцы госпиталь разбомбили?

– Прямо по красным крестам целились, суки! – ответил я. – А после немецкие диверсанты зачистку устроили! Мне второй раз близким разрывом досталось, а Володю Петрова, ну, того старшину, что разведчиками командовал, – насмерть!

– Жаль, хороший был парень! – искренне сказал Павленко. – И командир славный!

– Мы в одной палате лежали. Немецкие диверсанты из коридора гранату кинули. Володя ее собой накрыл, – медленно, почти по слогам, проговорил я, еще раз переживая смерть человека, так и не успевшего, к сожалению, стать мне другом.

– Вот как! – удивленно сказал Павленко и надолго замолчал, погрузившись в раздумья. Видимо, такая самоотверженность современных советских людей никак не укладывалась в голову бывшего белогвардейца.

– Все хочу тебя спросить, Игнат Михалыч... О чем ты тогда ночью со старостой беседовал? – поинтересовался я. – Что он тебе перед смертью рассказать успел?

– Ну, как тебе сказать, Игорь... – вышел из транса старик. – Ты парень, конечно, умный, но тут даже и не знаю, поймешь ли...

– Ты начни, а дальше я сам разберусь, – поощряюще улыбнулся я. – Если какие слова сложные будут, выше моего скромного понимания, то я не поленюсь – переспрошу!

– Не юродствуй, Игорь, не обманешь, – вернул улыбку старик. – Сомневаюсь я, что знаю такие слова, что тебе сложными покажутся! Ну, слушай, раз спросил: в двадцатых годах воевал я не за Учредительное собрание и не за царя-батюшку, а за свободу моей родной Украины!

– За свободу без жидов и москалей? – не удержавшись, подытожил я.

– Всё-то ты знаешь, Игорь, словно не юнец, а зрелый мужчина, – озадаченно покачал головой Игнат. – Не так прямолинейно, конечно, но в принципе как-то так... И в конце концов довоевался – попал на захваченную ляхами территорию. Которые нас, украинцев, ненавидели почище, чем мы тех самых жидов с москалями. Вообще за людей не держали, считая всех поголовно потомками своих холопов!

– Закономерный финал, не находишь? – хмыкнул я.

– Да, ты прав! – с горечью ответил старик. – Вполне закономерный... Так вот Панас-то вроде как под теми же лозунгами с Запада вернулся. Вот я и решил его поспрашивать – с чего бы это германцы так расщедрились? Но староста, хоть и пыжился, сучонок, только мои догадки подтвердил – используют их немцы в войне с Совдепией, как изделие месье Кондома, а потом выбросят за ненадобностью. Не будет никакой свободной Украины! Не позволят германцы своим холуям самостоятельно заправлять.

– Ну, наконец-то понял! – похвалил я. – В общем, поздравляю тебя со вступлением в ряды доблестной Рабоче-крестьянской Красной армии!

– Спасибо! – хмыкнул Игнат, но вдруг наклонился и крепко пожал мне руку: – Спасибо, Игорь! Засиделся я с тобой, пойду на довольствие встану. После обеда еще зайду, если время свободное будет.

– Удачи, Игнат Михалыч!

Старик ушел, и я снова остался один. Впрочем, в палатке присутствовали другие раненые, но пообщаться с ними я не мог. Да и они, судя по хриплому дыханию и стонам, не горели желанием. Поворочавшись на жестком ложе около часа, я почувствовал желание отлить и попытался встать, рассудив, что не стоит отвлекать от более важных дел младший медперсонал, которому и без того досталось.

Кряхтя от боли, я перекатился со спины на живот и стал медленно приподниматься. Через полчаса я уже твердо стоял на карачках. Правда, далось мне это огромным напряжением сил – перед глазами плавали красные круги, а нательную рубашку можно было выжимать. Нечего было и думать о том, чтобы самостоятельно справить малую нужду, если только не писать прямо под себя. На этой славной мысли я и завис – сил для дальнейшего подъема уже

не было, а отдавать таким трудом завоеванный «плацдарм» я не хотел. В таком состоянии меня и застали Барский и Зеленецкий.

– Ты это чё? – с недоумением спросил Макс.

К счастью, Мишка сразу понял причину моего затруднительного положения и, аккуратно взяв меня под мышки, помог принять вертикальное положение.

– Где тут сортир, парни? – из последних сил прохрипел я. Ребята быстренько закинули мои руки себе на плечи и буквально понесли к общественному туалету. «Точка» оказалась наскоро выкопанной неподалеку от палаточного городка неглубокой траншеей с парой-тройкой лежащих на краю жердин. Тут и здоровый будет испытывать определенные проблемы с «посадкой»... ну, если «по-большому» сходить надо. Хорошо хоть мне приспичило по малой нужде. Однако, как только парни поставили меня возле ямы и слегка ослабили хватку, меня тут же ощутимо качнуло.

– Держите меня! Мишка за плечи, а ты, Макс, скрути рубаху на пояснице в узел! – командовал я. Освободив таким образом руки, мне удалось развязать бечевку на кальсонах и, наконец, с превеликим облегчением сделать то, что в обычной жизни не вызывает у мужиков столько затруднений. – Уф! Хорошо-то как!.. Тащите меня обратно, ребята!

На обратном пути мне удалось сделать несколько шагов самостоятельно, что добавило оптимизма, а то начало казаться, что я парализован. После тяжелейшего, эпического, сопоставимого лишь с восхождением на Эверест, похода в сортир безумно захотелось упасть на жесткую подстилку и придавить массу минут на пятьсот-шестьсот. Впрочем, как только пацаны уронили меня на постель (в действительности уложили аккуратней, чем хрустальную вазу), желание поспать несколько часов несколько поутихло – для некоторого восстановления сил нужно было полежать, по самым оптимистичным прикидкам, всего-то полчаса. Только сейчас я заметил, что ребята одеты вместо своих белых рубашек, светлых полотняных брюк и тряпичных туфель в красноармейскую униформу без знаков различия и тяжелые ботинки с обмотками.

– Вас, похоже, в армию забрили? – вытерев обильно струящийся со лба трудовой пот, спросил я. – Не рановато?

– Нет, что ты! – смутился Мишка. – Просто форму после бани выдали – наша-то одежда в полную негодность пришла.

– Хотя мы просились! – подал голос Макс. – Ты как... сам?

– Как видишь, дружище, – хреново! Поссать и то самостоятельно не могу! – усмехнулся я, морщась от боли. – Как только вы ушли, госпиталь разбомбили, а потом фашисты проклятые диверсантов послали завершить свое грязное дело. В общем, вместо планового выздоровления подвергаюсь все большим истязаниям! – И закончил внезапно упавшим тоном: – Володя погиб во время нападения этих тварей на госпиталь. В палату гранату кинули, он ее собой накрыл!

Я закрипел зубами от дикой, подкатившей к горлу злости. Суки!!! Мой счет к топчущим мою землю двуногим нелюдям вырос сегодня еще на несколько пунктов. Пора бы уже начать его сокращать, но... блин... в моем нынешнем состоянии... Обидно, черт, как обидно! Другие воюют, бьют этих гадов, а я лежу тут как бревнышко!

Парни, услышав страшную новость, разом погрустнели. Мишка даже отвернулся, чтобы мы не видели, как он смахивает слезы.

– А у вас как? – спросил я, чтобы хоть немного отвлечь ребят от переживаний. Вот молодец! Сначала огорошил, а теперь отвлекаю! – Как устроились, что дальше делать будете?

– Мы пока при штабе корпуса... на довольствие встали! Вроде того, – пожал плечами Макс. – В смысле, накормили нас в командирской столовой, в бане помыли, обмундирование и белье выдали. На ночь обещали в казарме комендантского взвода пристроить.

– А завтра хотят нас в Житомир отправить! – обиженно шмыгнул носом Мишка. – Хотя мы просились!.. Оружие отобрали!

– Ну, так, может быть, даже к лучшему! Для вас боевые действия на данном этапе закончились! – Не говорить же этим «комсомольцам-добровольцам», что ничего для них еще не закончилось, страшная война продлится еще четыре года и короткая отсрочка до призыва в ряды действующей армии продлится всего ничего – несколько месяцев.

– Ага, и вы здесь! – раздался от полога тихий усталый голос Альбикова. Выглядел сержант препогано – под красными глазами залегли черные тени, щеки впали, нос заострился. За прошедшие с нашей последней встречи несколько часов Хуршед словно в концлагере побывал. Неужели на него так подействовала смерть командира? – Это хорошо, что вы все вместе собрались! На вот, Игорь, держи свой трофей!

С этими словами сержант протянул мне «парабеллум». Тот самый, что я снял с покойного пана старосты в Татариновке. И с которым накануне погиб Володя Петров. Я молча принял пистолет и машинально погладил свежую царапину на стволе. След от осколка гранаты...

– Не беспокойся – пистолет не пострадал, мы проверили, – тихо сказал Альбиков и зачем-то отвернулся. Впрочем, уже через пару секунд он взял себя в руки и, натужно улыбаясь, добавил: – Владей, Игорь, на страх врагам! А та зарубка – считай, память о... нашем командире!

– Спасибо за доверие, Хуршед, не подведу! – серьезно ответил я, прижимая оружие к груди.

Альбиков неопределенно махнул рукой и, вздохнув, вышел из палатки. Ребята, потрясенные увиденной сценой, стояли, боясь лишний раз вздохнуть. Неожиданно полог хлопнул, и Хуршед снова вошел в палатку.

– Извини, совсем я что-то... раскис... – Голос сержанта значительно окреп, да и взгляд его больше не смотрел в «четвертое измерение», а был направлен четко на меня. – Я чего к тебе пришел: сегодня, в восемнадцать ноль-ноль, в Житомир пойдут автоколонна. Повезут часть архива республиканского отдела НКГБ и четырех пленных, в том числе твоего гауптмана. Начальство решило прихватить с колонной и тебя. Здесь, как видишь, довольно опасно, а на тебя у руководства определенные виды.

– Так ты вчера говорил, что гауптмана самолетом в Киев отправили? – припомнил я.

– Отправляли... – вздохнул Хуршед. – На них немецкие истребители напали, двигатель повредили, чудом не сожгли. Пришлось возвращаться. А потом решили, что по земле спокойней выйдет.

– Может, уж лучше я вместе со всеми?

– Медсанбат все равно будут эвакуировать завтра-послезавтра. Так чего ты будешь вылеживать? Или лишний раз с отцом хочешь повидаться? Так ему сейчас не до тебя будет – ты его только отвлечешь. А с тобой за компанию два эти гаврика поедут. И присмотрят в случае чего, и так... вообще. Водички попить дадут, по нужде сходить помогут.

– Хорошо! Уговорил, черт красноречивый, – улыбнулся я. – Где сборный пункт, куда ползти?

– Я за вами зайду, – объявил Альбиков. – Будьте здесь все трое. Отправление через полтора часа. И это... умойся. И переоденься!

Отдав распоряжение, сержант четко развернулся и решительно вышел.

– А что со мной не так? – удивленно спросил я у парней.

– Ты весь в побелке! – странно посмотрев на меня, ответил Мишка.

– Ага, – кивнул Макс и добавил: – И в кровавых брызгах.

Я осмотрел себя, провел по волосам. И верно – осевшая после бомбежки в госпитале пыль накрыла меня толстым слоем, а затем меня забрызгало... кровью Володи.

– Вот черт! Парни, скорее тащите мне воду и одежду!

– Ну, воду мы сейчас принесем, а одежду... – Макс растерянно огляделся по сторонам.

– А может, в том мешке что-то есть? – сказал Мишка. – В том, что у тебя вместо подушки.

В мешке оказалась униформа. Та самая, что накануне налета на госпиталь принес капитан Свистунов. С коверкотовой гимнастеркой, которую так расхваливал разведчик. И хромовые сапоги, снятые мной с убитого предводителя малолетних бандеровцев.

Молодой доктор нагрянул в самый разгар переодевания. Выглядел главврач госпиталя неважно – и без того осунувшийся от усталости, он словно высох. Жестом отогнав ребят, Павел Михалыч осмотрел меня, проверил рефлексy и изрек диагноз:

– К транспортировке пригоден! – Затем встал, привычно ссутулил плечи и уже на выходе буркнул себе под нос: – Ну, хоть кто-то на поправку идет.

Я молча посмотрел на его обтянутую грязным белым халатом костлявую спину. Всего лишь восьмой день войны...

Глава 2

Спецколонна состояла из пяти полуторок, небольшого автобуса, почти копии того, на котором Жеглов преследовал Фокса⁸, и броневичка, размером чуть больше «Лады Калины». Я, привыкший к совсем другим размерам бронетехники, посмотрел на нашу «ударную силу» с большим сомнением: да его же можно ногой опрокинуть! Наш доморощенный эксперт Миша Барский назвал это чудо инженерной мысли «БА-20».

В одной из полуторок сидели давешние уголовники, взятые нашей группой на заброшенном хуторе. Их охраняли четыре бойца с винтовками. Остальные грузовички оказались заполнены объемистыми мешками из зеленого брезента, горловины которых были замотаны проволокой с болтающимися пломбами. Видимо, это и есть тот самый «спецархив».

Устроились с комфортом в автобусе – мне постелили на пол пару одеял. Вскоре привели четверых пленных. Знакомыми оказались двое – гауптман-абверовец фон Вондерер и пехотинец-фельдфебель Шарбейтер. Оба посмотрели на меня как на страшного кровожадного монстра, только что на их глазах съевшего парочку христианских младенцев. Запомнили, суки! Я улыбнулся поганой немчуре как можно более приветливо – Шарбейтера от моей милой гримаски аж перекосило.

Конвоиры, двое здоровенных парней с двузубыми «пилами» на петличках, в фуражках с васильковыми околышами, хмуро покосились на нашу троицу усталыми глазами давно не спавших людей. Но, видимо, имели насчет нас некие инструкции, поскольку, ничего не сказав, кивнули в знак приветствия и, зафиксировав немцев наручниками к сиденьям автобуса, сели напротив, положив на колени тяжелые автоматы с круглыми дисками. Опять-таки не «ППШ», а, как я уже успел узнать, «ППД». Хотя, на мой взгляд, они отличались только формой и размерами дырочек на коже⁹.

Сразу за ними в автобус впорхнул Альбиков. Первым делом проверив наручники пленных, он внимательно оглядел салон и, видимо, удовлетворившись осмотром, довольно кивнул и вполголоса представил нам конвоиров:

– Сержанты Барков и Яковенко. Если что вдруг понадобится – обращайтесь к ним! Однако рекомендую делать это только в самом неотложном случае. Сами видите – мужики на работе, и отвлекать их пустяками не нужно. Поедете с минимальными остановками, поэтому покурить и оправиться надо заранее. У вас есть еще минут пять – семь – звонил подполковник Глейман и просил немного задержаться. Так что, ребята, идите!

Последнее явно адресовалось Мишке и Максусу. Хуршед расчищал плацдарм к прибытию моего «отца». Ребятишки понятливо кивнули и вышли из автобуса.

– Я поеду в головной машине, – сообщил Альбиков и, ободряюще похлопав меня по руке, покинул салон.

Прошло всего несколько секунд – легкий кузов нашего транспорта еще покачивался после прыжка сержанта, как в дверь заглянул прадед. Увидел меня – улыбнулся, тут же заметил пленных немцев – сморщился, как от зубной боли.

– Привет, сынок! – приветствовал меня Петр Дмитриевич и сразу пошутил: – Я смотрю, ты уже почти как настоящий – порозовел малость!

– Просто отмылся, – улыбнулся я в ответ. – Маме телеграмму отбил?

---

⁸ В фильме использовался автобус на шасси «ЗиС-5», который условно можно отнести к «семейству» «ЗиС-8». Оригинальный «ЗиС-8» строился на шасси «ЗиС-11» (длиннобазная версия «ЗиС-5»). В нашем случае автобус вообще может быть чем угодно, так как Игорь не разбирается в антикварной технике, а в довоенном СССР автобусы собирались силами ремонтных мастерских непосредственно на автопредприятиях по своим чертежам, используя элементы шасси серийных грузовиков.

⁹ На самом деле различий значительно больше.

– Отбил, все в порядке! Даже ответ уже получил! – обрадовал «отец». – Беспокоится, ждет, надеется... Я не стал про твою контузию и подвиги писать... И ты тоже не распространяйся, ладно? Сам знаешь, как она... Впрочем, ты, наверное, не помнишь, да?

– Не помню! – честно сознался я. – Плохо дело, пап! Вот этих двух уродов помню, – киваю на прислушивающегося к нашему разговору фон Вондерера и равнодушно глядящего в окно Шарбейтера, – а что там с матерью и почему ей волноваться нельзя – забыл!

– Вот как... – пригорюнился прадед. Видимо, у него никак не укладывалось в голове, что совершенно целый с виду парень может страдать амнезией. – А этих... ты откуда знаешь?

– Так это я их в плен взял! – не удержался, похвастался.

– Серьезно? – удивился «отец». – Мне, конечно, рассказали, что ты с боем из окружения выходил и ребят с собой вывел, но чтобы немцев в плен брал... Ладно, ты мне потом, на досуге, подробно все расскажешь. А то, извини, мне в полк пора. И без того я здесь задержался. Давай, сынок, выздоравливай! Маме привет передавай и поцелуй!

И прадед неловко ткнулся мне в лоб сухими потрескавшимися губами. В его глазах стояли слезы.

– Ты тоже, пап, держись тут...

Прадед крепко пожал мне руку и, смахнув что-то из уголка глаза, быстро вышел из автобуса. В салон немедленно запрыгнули друзья. И почти сразу машина тронулась.

Помню, что езда на немецком «бэтэре» показалась мне жуткой и утомительной... Это было до того, как я согласился «покататься» на шедевральной модели нашего автопрома. У «немца» хоть гусеницы были, да и вес стальной коробки несколько сглаживал последствия... Автобус скрипел, раскачивался из стороны в сторону, как корабль на волне, под днищем беспрерывно что-то звякало, моторчик буквально визжал от натуги на такой высокой ноте, что начали резонировать кости черепа. И каждая неровность дороги была меня точно в копчик! Похоже, что никакой амортизации этот самобеглый экипаж не имел в принципе! В общем, ехать по нашим колдобинам оказалось настоящей пыткой.

Только сейчас я понял, почему доктор давал специальное разрешение на транспортировку: будь я чуть более нездоровым, тут бы мне и пришел конец. Прямо в этой жуткой, громыхающей, визжащей и качающейся самоходной камере пыток!

Попытка обозреть окрестности, чтобы хоть как-то отвлечься от неудобств, особым успехом не увенчалась – из лежачего положения я видел только вторые-третьи этажи домов. А ведь мы ехали по Ровно – городу, в котором мочил фашистов легендарный Кузнецов¹⁰. Жаль, но посмотреть на славные места его многочисленных подвигов не удалось. Хотя... он ведь еще не совершил здесь ничего подобного. И, может быть, именно в Ровно ничего и не совершит, а проделает аналогичную работу в другом месте. Например, в Берлине! Ха-ха!..

Вскоре мы покинули городок и покатались по сельской местности. Теперь я мог любоваться проплывающими за пыльными стеклами верхушками деревьев. Удивительное развлечение! Оглядываясь по сторонам – похоже, что мучения от поездки испытываю только я. Все остальные пассажиры автобуса, включая немцев, чувствовали себя совершенно нормально – сидели спокойно, не ерзали, смотрели в окна на медленно ползущие мимо (скорость не превышала двадцати километров в час!) пейзажи. Мишка даже насвистывал какой-то мотивчик, а Макс, привалившись спиной к задней стенке, задремал. Вот ведь люди!

Минуты медленно и печально тянулись, складываясь в часы, а конца этой жуткой поездке не было видно, и вот когда мне показалось, что я сейчас просто сдохну на хрен, колонна вдруг начала сдавать к обочине и, проехав еще полсотни метров, встала под прикрытием нескольких деревьев с раскидистыми кронами. «Спасены!» – мелькнула счастливая мысль.

---

¹⁰ Кузнецов Николай Иванович (1911–1944), – советский разведчик, партизан. Лично ликвидировал 11 немецких генералов и высокопоставленных чиновников оккупационной администрации.

– Товарищ Барков, а что случилось? – тут же поинтересовался я у ближайшего конвоира. Блин, мало ли чего – это для меня облегчение, хоть и временное, а у людей, может, беда какая-нибудь...

– Все в порядке, товарищ Глейман! – немедленно откликнулся сержант. – Плановая остановка! Надо, чтобы спецконтингент оправился, да и нам размяться не мешает.

– Тащите меня наружу, парни! – скомандовал я ребятам. Мишка с Максом ловко (весь день тренировались!) подхватили мое брненное тело под белы ручки и галопом вынесли меня из душегубки на волю. – Уф, какая радость!

С наслаждением глотнув свежего воздуха, я огляделся и заметил, что в нашей компании случилось неожиданное прибавление. Неведомым образом в колонну затесалась легковая машина. Я небольшой специалист по антикварным автомобилям, спокойно могу перепутать «Бьюик» с «Паккардом», но данный агрегат оказался знакомым – очередной шедевр отечественного автопрома, «ГАЗ-М», она же в просторечии «эмка». Какое-то начальство решило нас до самого места проводить? Или это довесок к спецархиву и спецконтингенту? Ладно, мне-то что переживать? Надо будет – расскажут, а не надо – так и фиг с ними, переживу, не умру от любопытства!

Первым делом парни помогли мне доковылять до ближайших кустиков, где мы дружно справили малую нужду. Чувствовал я себя гораздо лучше, чем утром или днем, – расстегнул ширинку и помочился самостоятельно, не прибегая к помощи друзей. Достижение, бля! Затем Барский пошел узнать насчет питьевой водички, а Макс, закинув мою руку на свое плечо, дотащил мое брненное тело до автобуса и помог сесть в тенечке прямо на травку.

Процедура «оправки» была хорошо отработана – конвоиры, страхуя друг друга, отстеги-вали немцев от сидений и поодиночке отводили их к большому дереву. С нашими бандюгами так не осторожничали – отвели к противоположной обочине всем скопом. Как только «торжественная» часть привала закончилась, конвоиры позволили себе немного расслабиться и поочередно покурить. Вскоре подоспел и Барский, принесший пару фляжек с водой.

– Кто там на «эмке» к нам прицепился? – спросил я.

– Так это один из корреспондентов, что вчера к тебе в госпиталь приходил! – огорошил Мишка. – В звании батальонного комиссара.

Так-так... Корреспондентов, бравших у меня интервью, было несколько, но в звании батальонного комиссара только один – Аркадий Гайдар. Тот самый, автор «Тимура и команды». И что ему здесь понадобилось? Вроде бы мы с ним вчера весь мой славный «боевой путь» по косточкам разобрали... Или я себе лышу и он не по мою душу явился? Скорее всего так и есть – Гайдар ведь крупное столичное издание представляет, газету «Комсомольская правда», интересы которой распространяются гораздо шире, нежели частный случай на участке одного моторизованного корпуса. Наверняка он в Ровно все свои дела переделал и в штаб фронта двинулся. И по пути нашу колонну догнал.

Ага, легок на помине! Вот и сам великий писатель ко мне идет.

– Здравствуй, Игорь! Здравствуйте, ребята! – вежливо поприветствовал нас Гайдар. – Как ты себя чувствуешь, Игорь?

– Лучше, Аркадий Петрович, уже лучше! Сегодня даже в сортир своими ногами сходил! – усмехнулся я.

Гайдар тоже улыбнулся и понятиливо кивнул. Он ведь тоже с юных лет воюет и ранен был несколько раз – знает, что даже такая мелочь, как самостоятельный поход в сортир, после тяжелого ранения воспринимается как подвиг.

– Аркадий Петрович? – удивился Барский. – А не вы ли...

– Да, про Тимура и его команду я написал, – привычно кивнул Гайдар. – И еще много разных книжек.

– Здорово!!! – в полном восторге воскликнул Зеленецкий. – Кому расскажу – не поверят! Я живого Гайдара видел!!!

– Я... я тоже... очень рад... – растерянно пробормотал Барский.

Видимо, Аркадий Петрович уже давно привык к подобной реакции подростков на свое имя, поэтому только улыбнулся и подмигнул мне.

Услышав восторженный вопль Максима, на нас обернулся Вондерер. Профессионально внимательно осмотрев нашу группу и, очевидно, не обнаружив для себя ничего интересного, абверовец отвернулся.

– Я смотрю, с вами немцы пленные едут, – нарочито небрежно обронил Гайдар. – Как они себя ведут?

– Тихо сидят! – хихикнул Мишка. – А чего им шуметь? Вот тот, здоровенный, с перевязанной ногой, – единственный, кто из целой роты уцелел!

– Нет, не единственный! – солидным, как ему казалось, баском поправил товарища Макс. – Там еще несколько живых было, но мы их быстро...

– Максим, помолчи, пожалуйста! – резко перебил я Зеленецкого.

– Ага, так это, выходит, вы их в плен взяли? – догадался Гайдар.

– Нет, мы только одного! Того здорового, с ногой! – гордо ответил Барский. И тут же хвастливо добавил: – А офицера Игорь в одиночку схватил!

– Вот как! – удивился Гайдар, немедленно доставая из планшета блокнот и карандаш. – Игорь, а ты мне вчера об этом не рассказывал! И как дело было?

– Да никак оно не было, – вяло отмахнулся я. – Наши бомберы немецкую автоколонну раскатали в тонкий блин, и этого гауптмана я рядышком нашел. Он со сломанной рукой в воронке сидел. Ну... вторую руку уже я ему слегка подрихтовал... когда он сдуру за пистолет схватился.

Однако даже такая скупая «инфа» сильно заинтересовала Гайдара, и он принялся строчить в блокноте. Но продолжить спонтанно начавшееся интервью он не успел – раздалась команда «По машинам!». Первым порывом Аркадия Петровича было залезть с нами в автобус, чтобы продолжить начатую перспективную беседу, но сержанты-конвойные сразу пресекли его поползновения, вежливо, но решительно преградив дорогу.

– Ладно, Игорь, мы с тобой в Житомире, как приедем, закончим этот разговор! – раздосадованно произнес корреспондент и быстрым шагом двинулся к своей «Эмке».

Парни помогли мне с удобством улечься на одеялах, конвоиры еще раз проверили наручники немцев, и мы снова тронулись в путь. Автобус снова скрипел, раскачивался, под днищем звякало, мотор всё так же визжал от натуги, и каждая кочка на дороге с нескрываемым усердием била меня по заднице. Но сейчас весь дискомфорт от пребывания в этом убийственном средстве передвижения воспринимался не так остро, как полчаса назад. Или организм привыкать стал, или чувства от усталости притупились? Июньское солнце все еще шпарит с небосклона, но время к вечеру, этот длинный-предлинный денек уже к концу идет. Часы на руке сержанта показывают половину восьмого.

В какой-то момент я даже начал дремать, убаюкиваемый раскачивающимся кузовом. Дрему прерывали только особо сильные пинки в копчик – слабые удары я уже не замечал. И на постоянный лязг, скрежет и визг я перестал обращать внимание. Поэтому начало нападения просто пропустил. Немудрено – в общую какофонию вплелись лишние звуки, похожие на хлопки.

В боевой режим я перешел только после попадания в наш автобус пулеметной очереди – по кузову прогрохотало, словно кто-то снаружи со всей дури несколько раз долбанул кувалдой по листу металла. Оконные стекла вдруг осыпались крупными кусками. «Некаленные!» – успел подумать я. Сидящий с подбойного борта пленный немец резко дернулся и медленно упал на пол, нелепо вывернув пристегнутую наручником руку.

– Genossen, nicht schießen! Wir besitzen!¹¹ – заорал Шарбейтер, высунувшись в разбитое окно. Ближайший к нему сержант уже примерился ткнуть немца прикладом, но не успел – нападавшие явно не поняли дружелюбного жеста фельдфебеля и огонь не прекратили. Пара пуль из второй очереди попали Шарбейтеру в голову. Раскинув мозги по всему салону, здоровяк сломанной куклой завалился в узкую щель между сиденьями.

Барский с Зеленецким только сейчас сообразили, что мы под обстрелом. И первым их порывом стало... прикрыть товарища! Навалившись сверху, эти два балбеса чуть не убили меня, практически полностью перекрыв доступ воздуха. Лучше бы наутек пустились, ей-богу!

– Немедленно слезьте с меня, уроды! – из последних сил прохрипел я. – Задушите, мать вашу!

Барский, ухо которого находилось ближе всего к моей голове, первым выполнил команду. Ох, ептыть! Какое облегчение! Ну, значит, поживу еще... несколько минут или секунд...

Мотор нашего автобуса заглох, и теперь мне было хорошо слышно, что совсем рядом лупят короткими очередями несколько пулеметов – один наш и три-четыре немецких. К этому прибавлялась одиночная стрельба из винтовок. Еще несколько пуль влетело в салон, окончательно лишив наш транспорт стекол.

Зеленецкий тоже, наконец, слез с меня и осторожно выглянул из окна.

– Никого не видно! – доложил он через несколько секунд.

– Ну, а чего ты хочешь? Чтобы они вокруг нас в полный рост стояли? – не преминул съязвить я. – Видимо, силенок здесь у немчуры не очень много, иначе они бы сразу нас огнем прижали и на бросок гранаты подошли! А, кстати...

Приподнявшись, я быстро обозрел окрестности. Поймали нас на большой поляне – ближайшие деревья виднелись метрах в ста справа, – оттуда немчура и стреляла. Слева... Здесь до леса больше двухсот метров. А что сзади? Поворачиваю голову... Вот блядь! Первым, кто попался на глаза, оказался немецкий солдат, шустро бегущий в нашу сторону. Мы ехали замыкающими, поэтому никто не помешал фашисту выскочить из-за придорожных кустов и нестись вдогонку. В первый момент я удивился, не заметив у него оружия, вместо которого он тащил нечто странное, показавшееся мне похожим на корягу. Но в следующую секунду я понял – ганс держит в руках связку «колотушек». Ох, ни хрена себе! Да если эта штука просто под днищем рванет, нам мало не покажется! А если в салон угодит?

Выдергиваю из сползшей на самый пупок кобуры пистолет и, не целясь, а просто тыкнув стволом в сторону противника, несколько раз жму на спусковой крючок. «Бегун» переламывается пополам, кубарем катится по дороге и, наконец, замирает. Неужели попал? Вот чем хорош «Парабеллум» – из-за его эргономичной формы очень удобно стрелять навскидку по движущейся мишени, даже из очень неудобного положения.

Есть еще желающие погеройствовать? Я выждал пару минут, но с той стороны больше никто не показывался.

Сержанты, грамотно прикрывшись от обстрела снаружи телами убитых немцев (ну не считать же надежным укрытием тонкие фанерные стенки автобуса!), открыли ответный огонь. Барков, мельком оглянувшись на нас, бросил:

– Тикайте, хлопцы!

Это он хорошо сказал, блин! Тикайте... Куда? Единственная дверь находилась рядом с водителем и выходила прямо на немецкие пулеметы. Однако надо из этой душегубки выбираться – долго в фанерном ящике на колесах не высидеть! А если сейчас снова кто-то из арийских храбрецов захочет гранату метнуть?

Я схватил Макса за воротник и, рывком подтянув его голову к своим губам, заорал ему прямо в ухо, стараясь перекричать шум боя:

---

¹¹ Товарищи, не стреляйте! Тут свои! (нем.)

– Ползи к двери, только не вздумай ее распахивать – сразу вынесут! Приоткрой на два пальца, осмотрись, срисуй обстановку, нас с Мишкой дождись! Понял?

Максим торопливо кивнул и на четвереньках пополз по узкому проходу, немыслимым образом умудрившись обогнуть стреляющих скупыми очередями сержантов и мертвого немца. И как это у него получилось? Блин, у меня так ловко не выйдет, даже будь я совершенно здоровым! Ширина прохода всего сантиметров сорок... Но делать нехрена – сержант прав: если мы останемся здесь, то через пару минут из нас решето сделают. Ладно, поползу и я...

По кузову несчастного автобуса продолжали колотить «кувалды» немецких пулеметов, над головой свистели пули, в воздухе висела густая взвесь из пыли и мелких опилок. Баркова я обогнул, изогнувшись, как червяк. По мертвому немцу прополз, не брезгуя, словно по коврику. Дальше путь преграждал скорчившийся Вондерер. Его перекошенное от страха лицо просто просило приложения грубой, но осмысленной силы в виде удара кулаком, но я не стал тратить энергию и просто отпихнул «бравого» гауптмана в сторону. До лежавшего у двери Макса оставалось всего полтора метра, и я уже примерялся, как буду просачиваться мимо Яковенко, но воспользоваться задумкой не успел – в сержанта попало сразу несколько пуль, отбросив его на противоположный ряд сидений. Немцы явно пристрелялись...

Я подобрал свалившийся прямо мне под руки автомат и оглянулся. Сзади стоял на карачках Мишка, тупо глядя прямо перед собой. Не нужно быть доктором, чтобы определить – парень малость прифигел от творящегося вокруг сабантуя. Видать, он и во время бомбежки эшелона вот так же... впал в шоковое состояние, о чем после жутко переживал. Ничего, привыкнет еще! Если, конечно, доживет...

– Ремень с него сними! – прокричал я прямо в лицо Барскому, стараясь перекрыть шум.

Мишка явно услышал – рука дернулась к пряжке. К своей...

– Да не свой ремень, балбес! – заорал я. – С сержанта ремень сними! Там кобура и подсумок!

Я бы и сам снял, да и карманы обшарить не постеснялся, но руки заняты. А боеприпасы нужны позарез – с одним диском, даже на семьдесят патронов, много не навоюешь. Барский, сделав над собой героическое усилие, все-таки преодолел шок и осторожно, словно мог еще как-то навредить сержанту, снял с Яковенко ремень. Наконец «долгая дорога в дюнах» закончилась – мы добрались до лежавшего у двери Макса. Первым делом я бросил быстрый взгляд на водителя. Так... и здесь тоже... не повезло дядьке – на груди виднелось аккуратное отверстие. Даже крови почти не было видно – очень грамотный выстрел, видать, снайпер сработал. Это мне теперь тоже стоит учесть – пулеметы, конечно, вещь жуткая, но один снайпер стоит целого взвода.

– Ну, что видел? – спросил я Зеленецкого, укладываясь рядышком и осторожно выглядывая из щелочки приоткрытой двери.

– Непосредственно по автобусу стреляют три-четыре стрелка и пулемет! Дистанция от ста до трехсот метров – опушка леса, – четко доложил Максим. – Остальные лупят в голову колонны. Кажется, броневик еще отстреливается. Всего против нас до взвода, при трех пулеметах.

Так, обстановка в целом понятная. И хорошей ее не назовешь. Скорее уж – просто хреновой. Через дверь наружу выходить нельзя – это же надо сразу после этого нырять под днище и ныкаться за колесом. А выполнить такое под силу только опытному и тренированному человеку. Иначе малейшее промедление – и ляжешь с дополнительными дырками в организме прямо здесь, возле двери. Значит, надо сигать в окно. Ну, молодым парням, вроде Мишки и Макса, это раз плюнуть! А мне после контузии? Я и хожу-то с трудом, не до акробатики мне. Так что же делать? Послать ребят для отвлечения внимания, а потом спокойно выйти... ну, пусть не выйти, а выползти из двери? А если их там... того... подстрелят, пока они будут отвлечением заниматься? Ведь против нас снайпер работает!

Мать вашу, что же делать?!

Внезапно сидящие на опушке немцы прекратили свою размеренную, прицельную стрельбу по секторам и принялись заполошно лупить из всех стволов куда-то в сторону. Что там такое случилось? Не раздумывая больше, я рывком распахнул дверь и кулем вывалился наружу, тут же откатившись под автобус. Удивительно, но мой маневр остался незамеченным противником.

Зеленецкий, не дожидаясь команды, выпрыгнул следом за мной – и снова по нему никто не выстрелил. Пока Макс пристраивался рядом, я огляделся, насколько позволял нависавший над головой «потолок». Ого! С дальнего конца поля в нашу сторону неспешно двигались знакомые трехосные броневики, на ходу стреляя из пушек и пулеметов. Было их не так уж и много – я со своего места видел три, но, видимо, немчура посчитала, что им этого хватит – стрельба со стороны опушки стихла, как по мановению волшебной палочки. Наверняка гансы решили не испытывать судьбу и ретироваться. И это в принципе было верным решением – одно дело, обстреливать из засады автоколонну, в которой всего с десяток бойцов, и совсем другое – вести полноценный бой с регулярной воинской частью, поддерживаемой бронетехникой.

В подлеске что-то мелькнуло, и я, не раздумывая, резанул в том направлении длинной очередью. Сейчас уже нет особого смысла экономить патроны. Больше в той стороне ничего не шевелилось, хотя и глядел во все глаза, в надежде срисовать (и срезать!) еще кого-нибудь.

Прошло несколько минут, в течение которых мы продолжали хорониться под автобусом, опасаясь нарваться на шальную пулю. Зеленецкий пару раз пытался куда-то бежать и что-то делать, но я решительно гасил его героические порывы. Наконец выстрелы стихли, и я уже собрался выползть из своего убежища, как накатила жуткая слабость. Организм, сообразив, что опасность миновала, перестал выбрасывать в кровь слоновьи дозы адреналинового допинга. Поплохело настолько резко, что, не успев ничего сказать товарищу, я тупо ткнулся мордой в траву, обливаясь горячим потом, словно после пятикилометрового марш-броска с полной выкладкой. Макс, вообразив, что меня все-таки достала последняя шальная пуля, принялся бешено тормозить мое безжизненное тело в поисках несуществующей раны, чем привел уровень моего здоровья к критической отметке. В голове уже начали бухать молотки, грозя разбить череп изнутри, перед глазами поплыли красивые кровавые круги. К счастью, сознание, махнув на прощание черным платочком, милостиво покинуло меня.

Глава 3

Очнулся я под чей-то громкий хохот. Впрочем, почему «чей-то»? Эти громоподобные раскаты я слышал совсем недавно в исполнении шкафоподобного капитана-разведчика. Как его звали? Соловьев! Нет, Свистунов! Капитан Леха Свистунов. С ним еще сержант приходил со странной фамилией Стерх и именем Степан. С трудом открыл глаза – надо мной чернело ночное малороссийское небо с яркой россыпью звезд. Недалеко горит костер – краем глаза вижу его отсветы. Судя по всему, возле костра и сидели мои недавние знакомцы. Степа что-то быстро говорил, а капитан жизнерадостно ржал через каждые тридцать-сорок секунд. Видать, сержант анекдоты травит...

Полежав несколько минут, просто наслаждаясь тишиной и видом звездного неба, поднимаю голову и осматриваюсь. Почти угадал – метрах в десяти действительно горит костер, но возле него не видно огромной фигуры Свистунова, да и голос Стерха доносится с другой стороны. С некоторым затруднением поворачиваю голову на звук – разведчики в компании Альбикова и Гайдара стоят возле припаркованного под деревом броневика. Степа рассказывает что-то смешное, энергично жестикулируя, а трое его собеседников периодически смеются. Правда, капитан своим хохотом всех заглушает.

– О, очнулся наш герой! – первым заметил мои шевеления профессионально глазастый Свистунов. – Здорово, Игорек! Видать, нам на роду написано с тобой пересекаться!

– И тебе не хворать, товарищ капитан! – как можно более жизнерадостно ответил я. Однако вышло хреново – вместо слов из глотки вылетел какой-то сиплый клекот.

– Эге, да ты, парень, что-то совсем... – озабоченно произнес Свистунов и, обернувшись, крикнул в темноту: – Марина! Мари-и-и-ина-а-а-аа! Иди сюда, твой герой очнулся!

Со стороны смутно видневшихся невдалеке броневиков быстрым шагом приблизилась тонкая женская фигурка.

– Марина?! – оторопел я. – А ты-то что тут делаешь?

– Так она с моей ротой увязалась, еще два дня назад! – доложил Свистунов, единственный из присутствующих расслышавший мой шепот. – Еще когда мы ребятишек с хутора забирали. Сказала, что фашистов хочет бить. Мы ее санитарным инструктором определили пока...

– Я ведь два курса медучилища окончила! Вполне могу фельдшером работать, – с толикой законной гордости сказала Марина. Девушка присела рядом, деловито задрав на мне рубаху. – А ты, Игорь, я смотрю, совсем себя не бережешь! И как ты только собрался свое обещание выполнять?

И она строго посмотрела на меня, словно это я был виноват во всех своих многочисленных контузиях.

– Какое обещание? – заинтересовался капитан.

– Он поклялся, что перебьет всю немецкую танковую дивизию, – с улыбкой ответила Марина, легкими постукиваниями проверяя рефлексy нервных узлов.

– Серьезно? – Из-за спины здоровяка капитана выдвинулся профессионально любопытный нос Гайдара.

– Нет, бля, пошутил, – усмехнулся я, надеясь, что корреспондент не разберет мой шепот.

– Он вообще парень серьезный, – добавил подошедший на шумок Альбиков. – Если что обещал – непременно сделает! А мы ему поможем. И почин уже положен!

– Это после того случая у поезда, да? – сообразил Свистунов. – Да там не только эту дивизию...

– Вы мне лучше скажите, что произошло? – невежливо перебил я капитана. – Кто на нас напал? Немчура опять прорвалась?

– Нет, слава труду, это не прорыв! – успокоил Альбиков. – Похоже на разведывательно-диверсионную группу.

– Ничего себе РДГ, – скептически хмыкнул я. – Нападать на целую колонну, прикрываемую легким броневиком! Совсем эти суки оборзели!

– Это точно! – машинально кивнул Хуршед, тут же глянув на корреспондента и Марину. Затем, после паузы, сержант глазами попеременно указал мне на них, намекая «меньше матерись», и продолжил: – Судя по следам, их рыл полста было. Четыре пулемета... Если бы разведчики на подмогу не подоспели – лежать бы нам всем...

– А чего, кстати, они тут делали? – только сейчас сообразил я. – Мы ведь в своем тылу. Или уже нет?

– Да в тылу, в тылу... пока... – успокоил Хуршед, снова нервно оборачиваясь на Гайдара.

– Нам приказ дали дорогу на Житомир проверить, – пояснил Свистунов. – На делегатов связи несколько раз нападали. Может, как раз вот эти... а может, и другие... тут и местные чего-то возбудились... Не все, конечно, но... В соседней роте ефрейтор зашел в хату водички попить и... пропал!

– Местное население относится к бойцам Красной армии враждебно? – немедленно спросил Гайдар, доставая из планшета блокнот и карандаш.

– Тут недалеко одна деревенька есть... Так там колхозники немцев с хлебом-солью встретили, тут же своего председателя насмерть забили, его сына-комсомольца повесили! – в сердцах сказал я.

– Вот как? – невпопад обронил Гайдар, строча карандашом в блокноте. – Предали, получается, Советскую власть?

– Да в той деревне целая организация была! С тридцать девятого года фашистов ждали! – пояснил я и добавил, хмуро глянув на Альбикова: – Куда только НКВД смотрел?

Альбиков незаметно пожал плечами: мол, а я здесь при чем? И верно – он-то лично не виноват. Хуршед простой боевик, а не местный оперативник. Однако горечь никуда не делась – все равно ведь не доглядели, упустили предателей.

Пока мы «мило» болтали, Марина успела провести беглый медосмотр моего брэнного тела и встала с травы, отряхивая юбку.

– Жить буду? – с усмешкой спросил я.

– Конечно, – решительно кивнула девушка. – Тебе еще обещание выполнять! И попробуй только погибни! Товарищи, вы бы... отошли. Игорь еще очень слаб, а вы его разговорами беспокоите.

Свистунов, подмигнув мне (мол, строгая у нас медсестричка), развернулся и зашагал к костру, увлекая за собой Гайдара и Альбикова. А Марина снова присела рядом, бездумно глядя куда-то в темноту.

– Ты, это... вообще как? – поинтересовался я, любуясь ее точеным профилем, ярко подсвеченным пламенем. Давненько я не сидел с молодой девушкой ночью в лесу... Да, лет двадцать не сидел...

– Нормально, – машинально ответила Марина, однако, противореча словам, ее красивое лицо передернулось гримасой страдания. Видимо, вспомнился недавний ужас... Затем, очнувшись, девушка перевела взгляд на меня: – А вот тебе явно нужен длительный отдых! Сейчас я позову ребят, и они тебя накормят, а потом спать. Иначе не то что до Москвы – до Киева не доедешь!

– Мне бы для начала попить и оправиться.

– Сейчас организуем!

Марина встала и ушла к костру. И вместо нее через полминуты объявились Барский с Зеленецким. Они напоили меня теплой водой из фляги и отвели «в кустики» по отточенному сценарию. Похоже, что мы становимся единой командой, хе-хе... Затем накормили заправлен-

ной тушенкой перловой кашей и снова бережно уложили возле костра на свернутом куске брезента, остро пахнущем бензином.

Убаюканный сытной едой и относительным покоем, я погрузился в нормальный сон, мысленно пожелав себе спокойной ночи. А то вырубаться от потери сознания в последние дни приходилось гораздо чаще, чем просто спать.

Проснулся в серых рассветных сумерках от рева заводимых двигателей броневиков и зычных команд капитана Свистунова. И непонятно, что звучало громче – капитан явно перекрикивал маломощные движки. Разведчики быстро, но без суеты, собирались в поход. Видимо, ночь прошла спокойно. На войне и это – немалое счастье. И что еще более ценно – тело болело во многих местах. Значит, живой...

И боль была... домашняя. Как от отлежанной на комковатом матрасе задницы. И верно – спал я практически на голой земле, вот бока и отлежал. Попытался встать... Получилось! Покачиваясь на отвыкших от нагрузки ногах, добрел до ближайшего деревца и, опираясь одной рукой на ствол, пописал, с удовлетворением отметив про себя, что если буду выздоравливать таким темпом, то скоро смогу скакать, подобно молодому козлику.

Вот с завязками штанов опять приключилась беда – отсутствие нормальной ширинки на молнии способно испортить жизнь гораздо сильнее вражеских пуль. Развязать-то я их развязал, а вот завязать одной рукой... За этим увлекательным занятием меня и застукали друзья. Четкими, отработанными за пару прошедших дней движениями Макс и Мишка привели мою униформу в практически уставной порядок и сопроводили к костру для завтрака. Где уже сидели Альбиков, Гайдар и Вондерер с Барковым. Два уголовника разместились поодаль, охраняемые одним конвойным.

Разведчики мехкорпуса, видимо, успели поесть раньше, так как спокойно сновали вокруг, не обращая на нас внимания. Однако едва я успел поднести ко рту первую ложку традиционной перловки, как ко мне подошел Степан Стерх, неся в руках длинный сверток.

– Здорово, Игорек! – весело скаля зубы, приветствовал сержант. – Я давеча твой винтарь прибрал, а раз уж такая оказия случилась, что дорожки пересеклись... то вот, держи!

И Степан достал из промасленной мешковины «АВС-36». Ё-моё! А я уже и думать про нее забыл! Хорошо мне эта винтовочка помогла, когда я немецкий «шверпункт» на переезде громил. Это же практически ручной пулемет.

Я бережно принял из рук Стерха полюбившееся оружие, краем глаза заметив, что Гайдар смотрит на меня с грустной улыбкой на губах.

– Спасибо, Степа!

– Да чего там, Игорек, – махнул рукой сержант. – Ты не сомневайся, винтарь в полном порядке, наш оружейник его проверил. Вот магазины запасные держи... Эти два я на огоро-дике подобрал, где ты два минометных расчета прикончил. Эти два на тебе были, а эти три нам ребята из мотострелкового полка подарили... за пять банок тушняка... Ха! И патронов командир велел тебе две сотни отсыпать. А то вдруг опять... вас кто-то обидеть захочет, а ты с одним пистолетиком...

– А вот чтобы их никто не обидел, как ты выразился, поступаешь в распоряжение товарища Альбикова, – раздался из-за спины голос капитана Свистунова. – Догонишь нас потом в Ровно. Понял, сержант? Сопроводишь товарищей до Житомира, а то у них почти всю охрану выбили, и пулей назад!

– Есть, тарщ командир! – снова расплываясь в немотивированной улыбке, бодро ответил Стерх.

– Товарищ сержант госбезопасности, отойдем? – обратился Свистунов к Альбикову.

– Конечно, товарищ капитан! – кивнул Хуршед, отставляя в сторону котелок и поднимаясь с места.

Командиры отошли на двадцать шагов и принялись что-то обсуждать. Однако совещание не заняло много времени, видимо, самые главные вопросы они решили еще вчера. Через минуту Свистунов и Альбиков вернулись к костру. Впрочем, капитан тут же ушел к своим бойцам, бросив на прощание:

– А еще я вам санитарку оставляю, а то у вас трое раненых...

– Спасибо, капитан! – крикнул Хуршед в широкую спину разведчика. Тот только рукой махнул.

Двигатели броневиков взревели на высокой ноте, и через минуту, обдав нас на прощание синим бензиновым выхлопом, пять шестиколесных боевых машин покинули лесок. Стерх проводил товарищей грустно-растерянным взглядом, видимо, не привык действовать автономно, без своего подразделения. Но уже через несколько секунд Степа улыбался во всю ширину рта – его веселый нрав одержал очередную победу.

– Когда отправляемся, тарщ сержант госбезопасности? – Степан не удержался от глупого вопроса. Ему уже хотелось что-то делать, куда-то бежать, лететь, скакать, стрелять...

Я ожидал, что Альбиков ответит ему традиционно: «Как только – так сразу!», но Хуршед, зачем-то покосившись на немца, сказал:

– Чуть позже, товарищ сержант. У нас тут еще несколько дел есть. – И добавил, заметив, что Стерх приплясывает от нетерпения: – Идите, проверьте вверенную матчасть!

Степа, осознав, что его вежливо посылают, улыбнулся еще шире, кивнул и упылил в кусты. И через минуту оттуда донеслось немелодичное звяканье – видимо, началась та самая «проверка матчасти». А мы, уже никем и ничем не отвлекаемые, неторопливо продолжили завтрак. Что-то в этом есть странное – Альбиков явно никуда не спешит. И что сие означает? Ждет подкрепления? Так тут быстрее нового нападения немецких диверсантов можно дожидаться! Или танки снова фронт прорвут...

Ладно, захотят меня просветить – хорошо, а нет... так и обойдусь. От многих знаний – многие печали. Не успел я доесть перловку, как из кустов вынырнула Марина. При дневном свете еще более прекрасная, чем ночью в свете костра. Ни грамма косметики, волосы забраны в простой хвостик, одежда не гламурная – простая гимнастерка, перетянутая в талии брезентовым ремнем, синяя шерстяная юбка, а поди ж ты! Свет восходящего солнца играл в ее глазах. Влюбляешься, товарищ Глейман? Куда ты, старый пес, лезешь?

Марина подошла ко мне, бесцеремонно освободила от верхней одежды (ну, хотя бы штаны оставила), усадила на траву, присела рядом и начала медицинский осмотр. Простучав кончиками пальцев спину, суставы, нервные узлы, девушка задумчиво посмотрела на меня и, буркнув «Одевайся!», встала и подошла к Альбикову:

– Товарищ сержант госбезопасности! Вверенные моему вниманию раненые бойцы к транспортировке готовы! Когда отправляемся?

– Время погрузки я доведу до вас особо, товарищ санитаринструктор, – нарочито официальным тоном сказал Хуршед, незаметно мне подмигивая. – А Игоря я, с вашего позволения, заберу на минутку.

Марина, оглянувшись на меня, растерянно кивнула.

– Игорек! Давай-ка отойдем! – скомандовал Альбиков.

Ага, сейчас мне приоткроют завесу тайны... Мы отошли на десяток шагов.

– Тут такие дела, Игорек: засаду эту специально на нас готовили! – громким шепотом выпалил мне в ухо Хуршед.

– Уверен, что не наобум? На первого, кто здесь проедет? – удивился я.

– Наобум такие дела не делают! – убедительно сказал Альбиков. – Обстреляй нас простые солдаты – я бы поверил. Но это, судя по организации нападения, были настоящие матерые диверсанты.

– Пленных хотели отбить или?..

– Да, «или»! Конечно, «или»! Навязали мне этот... спецархив... – Хуршед тяжело вздохнул: – Словно других забот мало! Хотели пленных освободить – не стали бы сразу на поражение стрелять. И гранатометчика мы нашли, которого ты завалил. Связка «колотушек» в окно автобуса – и живых бы внутри не осталось! Такими методами своих не отбивают!

– А если фон Вондерер владеет настолько важной информацией, что его лучше прикончить, чем отбивать? – Я не упорствовал, просто хотел «пробить» ситуацию до конца. – Вы его до самого доньшка раскололи?

– Нет, к сожалению! – мотнул головой Альбигов. – И времени не было, и квалификация дознавателя не та. Надо ведь знать, о чем спрашивать. Поняли только, что птица он важная – не самое последнее лицо в военной разведке. В Москве его до самой жопы расколют!

– Угу, если доведем, – кивнул я. – Ладно, сержант, я понял, что дело наше плохо – немцы ведь наверняка никуда отсюда не ушли. Скорее всего, парочка наблюдателей пасет нас прямо сейчас. А учитывая, что численный и огневой перевес до сих пор на их стороне... Может быть, ты зря ребят Свистунова отпустил? Все-таки полдесятка пушечных броневику – убедительный довод!

– Так что поделаться! – грустно вздохнул сержант. – Их срочно в Ровно вызвали. Сказали, что гитлеровцы на прорыв пошли. И капитан со своим людьми там нужнее.

– Настолько все серьезно?

– Ну а ты как думаешь? – невесело усмехнулся Альбигов. – Неужели я бы прикрытие отпустил, не будь прямого приказа командования? Хорошо еще, что капитан нам один броневику оставил.

– Тоже неплохо, – сказал я. – Однако проблема в том, что нам просто не дадут уехать с места стоянки. У немцев ведь крыльев нет – и перепорхнуть куда-то для организации новой засады они не смогут. Поэтому повторно нападут тут, рядышком. Как только увидят, что грузовики пошли одни, с небольшим прикрытием. Погоди-ка, ты сказал – прямой приказ... вызвали... Так у тебя связь есть?

– Конечно! – удивился моей тупости Хуршед. – В броневике радиостанция. И у капитана тоже своя связь. Они ведь разведчики!

Да, мало я еще местные реалии знаю... Все еще кинематографическими штампами своего времени мыслю, один из которых – полное отсутствие радиальной связи у наших войск.

– Так если у тебя связь есть – вызвал бы кого-нибудь на подмогу! И мы бы спокойно до Житомира доехали.

– Так вызвал уже! Часа через три-четыре рота внутренних войск НКВД будет здесь. Часть с нами останется, а остальные прочесывание местности устроят. Но тут, видишь ли, есть одна заковыка... – замялся сержант. – Тебе с друзьями придется до Житомира без нас добираться.

– Опаньки! – поразился я. – А вы чего?

– А нам тут надо... кое-что сделать, – пожал плечами Хуршед.

– Вы этот спецархив не в Житомир везете? – внезапно догадался я. – А в какое-то тайное место, куда посторонних допускать нельзя?

– Кто тебе об этом сказал? – Хуршед, сузив глаза, резко сделал шаг назад и положил ладонь на кобуру.

– Эй, эй, полегче, товарищ сержант госбезопасности, – тихонько рассмеялся я. – Ты чего пушку лапашешь? Совсем уже крыша съехала на почве общей подозрительности? Догадался я! Сам! Никто, кроме тебя, не подсказывал!

– Блядь, ну ты... и умный... сука! Убивать пора! Прав был Валуев, – в сердцах сказал сержант, однако руку с кобуры убрал. – В общем, ты верно... догадался. Архив нужно захватить в тайнике.

– А нас ты хотел рядом прикопать, чтобы, как в книжках про пиратов, мы клад охраняли? – продолжал прикалываться я.

– Нет, конечно! – совершенно серьезно, даже с долей искреннего возмущения, ответил Хуршед. – Ты за кого нас принимаешь?

– За представителей спецслужб, которые просто обязаны обеспечить полную сохранность вверенного им особого груза! – бросив ерничать, сказал я.

– Это да, – Хуршед хмуро сплюнул себе под ноги. – Пленных, уголовников и тебя с друзьями в колонну в последний момент добавили. По пути водитель вашего автобуса должен был имитировать поломку. Я бы оставил вас с грузовиком, на котором везли урок – там конвойных четыре человека... было. Вы бы в Житомир и без нас спокойно добрались. Но вот как-то... не задалось...

В принципе, я понимал затруднение сержанта – он явно первый раз оказался в подобной жопе. Нет, понятно, что боец он опытный, но на самостоятельное задание его направили впервые. Вот он и растерялся. Молодой ведь совсем парень – годков двадцати с небольшим. Практически ровесник моего сына...

– Бывает, – кивнул я. – Просто было на бумаге, да забыли про овраги... И что теперь делать будем?

– Отправлю вас в сопровождении броневика разведчиков. Думаю, что этого хватит – тут до Житомира полста километров всего. Доберетесь... я надеюсь... Гитлеровцам, что на нас напали, точно не до вас будет.

– Ладно, как скажешь, – согласился я.

Действительно, у людей свое ответственное задание, а мы будем у них под ногами путаться, отнимая на свою охрану и без того скудные ресурсы.

– Слушай, Хуршед, ты упомянул, что одного из диверсантов вы нашли... Глянуть на него можно?

– Нужно, – вздохнул Альбикив. – Я сам хотел тебя попросить взглянуть. Пойдем!

Идти оказалось недалеко – всего лишь до закиданной срезанными ветвями полуторки. Той самой, на которой везли эков – только в ней не было опечатанных мешков спецархива. Однако ей неплохо досталось – борта просвечивали многочисленными пробоинами, а кабина так и вовсе напоминала решето. Немецкие пулеметчики не пожалели патронов.

В кузове лежало несколько тел, накрытых куском замызганного брезента. Это что же – Альбикив решил всех покойников с собой прихватить? Мы залезли на платформу: я с трудом, а Хуршед одним легким движением.

– Наших четверо, два уголовника и три пленных немца. Всех надо будет сдать в управлении, – хмуро объяснил сержант. – Осталось восемь бойцов и шесть водителей. На пять грузовиков, автобус, «эмку» и броневик...

Хуршед горестно вздохнул, стягивая импровизированный саван с самого края. Под ним скрывался труп молодого парня, одетого в камуфляжный комбинезон с короткими, выше колен, штанинами, из-под которого виднелась обычная полевая форма мышинового цвета.

Что-то такое я, кажись, в кино видел... Так немецкие парашютисты обмундировывались. Название еще такое смешное у этого халата – «Knochensack». «Мешок для костей» в переводе на язык родных осин. Вот и каска на нем нестандартная, больше на котелок похожая, отсутствуют отогнутые в стороны поля. В общем, солдатик явно не из простых!

На груди мертвеца виднелись два кровавых пятна. Это что же, я два раза попал? Ни хрена себе Вильгельм Телль – не иначе как с перепуга умудрился!

– Что при нем было?

– На талии ремень с кобурой. В кобуре – «парабеллум». В карманах три десятка патронов россыпью и три винтовочных обоймы, – начал перечислять Альбикив. – Несколько галет, складной ножик, всякая мелочовка, вроде носового платка, солдатская книжка...

– Чего? – поразился я. – У него была солдатская книжка? Он же в тылу врага! Фрицы, со своим орднугом, вконец оху... хм... перестарались!

– Не понимаю, о чем ты, но книжка была, – сказал Хуршед, доставая из нагрудного кармана знакомый документ. – На вот, прочти, а то я сам не очень в немецком, а поручать кому-то... Сам понимаешь!

В зольдбухе черным по белому было написано: Johann Steinbrücke, Fuesilier, Lehr-Regiment Brandenburg z. b.V. 800. Блин, неужели тот самый пресловутый полк «Бранденбург»? В смысле – в моем времени он пресловутый, а здесь про него, возможно, даже и не слышали.

– Ну? – поторопил меня Хуршед.

– Йохан Штейнбрюкке, фузилир, восьмисотый учебный полк, – перевел я.

– Чего-чего? – удивился Альбиков. – Что еще за «фузилир» и почему он из учебного полка?

Блин, и что я ему скажу? Вернее, что сказать-то, я знаю, но как это знание замотивировать?

– Полк особого назначения небось какой-то... Секретный, раз для маскировки обозван учебным. У него еще собственное название есть – «Бранденбург»!

– «Бранденбург», говоришь? – задумчиво сказал Альбиков. – Те сволочи, что позавчера, переодевшись в нашу форму, на штаб мехкорпуса напали, а потом в госпитале бойню устроили, тоже из «Бранденбурга» были!

– И они тоже солдатские книжки носили?¹² – поразился я.

– Нет, что ты! Те уроды с нашими документами ходили, от подлинных почти не отличить. Мы парочку живьем взяли, вот они-то про свое подразделение и рассказали. Один вообще русским оказался, из эмигрантов... сука... А второй – немец, но по-русски лучше меня говорит... Тварь! Этот полк – вроде нашего Осназа, непосредственно подчинён управлению внешней разведки – абверу.

– А у нас тут целый абверовец сидит! – напомнил я.

– Ну-ка пойдем, пошепчемся с ним! – с воодушевлением сказал Альбиков, выпрыгивая из кузова.

У меня так ловко соскочить не получилось, и Хуршеду пришлось буквально снимать меня. Почти как котенка с дерева. Мы подошли к костру, и я с ходу «атаковал» фашиста:

– Слышь, Вондерер, ты ведь наверняка слышал про полк «Бранденбург»? – Вопрос сопровождался легким пинком в плечо.

Гауптман, морщась от боли в сломанной ключице, торопливо отвернулся и отрицательно помотал головой.

– Знает! – утвердительно сказал Хуршед, потирая ладони в предвкушении. – Знает и всё-всё мне сейчас расскажет! Барков, бери его, пойдем в стороночку отойдем, поговорим по душам...

– Будьте вы прокляты, грязные унтерменшен! – тихо и тоскливо пробормотал потомок тевтонских псов-рыцарей, и я понял: он расскажет Хуршеду всё, что знает, и добавит еще сверх того.

Макс с Мишкой дисциплинированно сидели возле почти потухшего костра, что-то попеременно рассказывая Гайдару.

---

¹² То, что все военнослужащие специального полка «Бранденбург» были одеты в советскую форму и поголовно говорили на русском языке – не более чем миф, рождение которому дали наши кинематографисты. В действительности большая часть солдат ходила в своей форме – в зависимости от конкретного задания каждой группе (а полк действовал отдельными группами по 10–40 человек) могло быть придано 1–4 человека, знающих русский язык и одетых в советскую форму. И даже они не могли долго взаимодействовать с военнослужащими РККА. Ведь для поддержания необходимого образа, кроме владения языком, нужно знание множества бытовых и жизненных реалий армии противника, которые не могли быть известны даже пошедшим на службу немцам белоэмигрантам. (Прим. автора.)

Я устало присел рядом, но уже через минуту лег навзничь, вытянув ноги. Умаялся так, словно полдня вагоны с углем разгружал. Всего-то десять минут на ногах без живых подпорок. «Живые подпорки» посмотрели на меня с жалостью и беспокойством.

– Игорь, ты как? – подумав, спросил Барский.

– Лучше, чем могло быть, но хуже, чем хотелось! – максимально бодрым тоном заявил я. Друзья неуверенно улыбнулись.

– Может, за Мариной сбегать? – предложил Зеленецкий.

– Не стоит, у нее и без того полно подопечных. Которым гораздо хуже, чем мне.

– Раз ходить начал, значит, на поправку пошел, – внезапно заявил Гайдар, и парни синхронно кивнули, соглашаясь с авторитетным мнением.

– Аркадий Петрович, а как обстановка на фронтах? – отдышавшись, спросил я.

– Не буду врать и хорохориться... Обстановка крайне тяжелая! – посмурнел Гайдар. – Вчера наши войска оставили Львов и Минск. И если здесь, на Украине, мы еще держимся, то в Белоруссии все гораздо хуже. В Прибалтике гитлеровцы захватили Даугавпилс и Лиепаю. Финляндия вступила в войну на стороне Германии.

– Да, невесело... – Я в принципе, ждал чего-то подобного, но все равно слышать такие новости крайне неприятно. Минск находится километрах в трехстах от границы, если мне память не изменяет. И немцы с боями прошли это расстояние всего за семь дней. Умелые... твари!

Ребятишки тоже загрустили. Наверняка в их головах сейчас сильнейший когнитивный диссонанс – все предвоенные годы советская пропаганда вдабливала в головы населения информацию о мощи и непобедимости Красной армии, о том, что сражения будут идти исключительно на вражеской территории, а в действительности происходит нечто совсем противоположное.

– Не ссыте, парни, мы еще пройдемся по Берлину в кованых сапогах и поднимем красный флаг над Рейхстагом! – бодро сказал я. – Ведь от тайги до Британских морей Красной армии нет сильней!

– Так пусть же Красная вздымает властно свой штык мозолистой рукой... – тихонько пропел Барский.

– И все должны мы неудержимо идти в последний смертный бой! – подхватил Зеленецкий.

Через несколько секунд мы в три голоса пели, а вернее, надсадно орали слова песни, пытаясь загородиться ими, словно волшебным заклинанием, от ужасов окружающей реальности – пахнувшего сгоревшей взрывчаткой леса, в котором нас ждали злобные немецкие диверсанты, перепаханного взрывами и танковыми траками пшеничного поля неподалеку отсюда, на котором мы оставили несколько сотен своих погибших товарищей, от страха за будущее – свое и всей нашей страны.

Белая армия, черный барон
Снова готовят нам царский трон,
Но от тайги до британских морей
Красная армия всех сильней.

Так пусть же Красная сжимает властно
Свой штык мозолистой рукой,
И все должны мы неудержимо
Идти в последний смертный бой!

Красная армия, марш, марш вперед!

Реввоенсовет нас в бой зовёт.
Ведь от тайги до британских морей
Красная армия всех сильнее!

Так пусть же Красная сжимает властно
Свой штык мозолистой рукой,
И все должны мы неудержимо
Идти в последний смертный бой!

Мы охраняем рабочий класс,
Кто же посмеет идти против нас?
Ведь от тайги до британских морей
Красная армия всех сильнее!

Так пусть же Красная сжимает властно
Свой штык мозолистой рукой,
И все должны мы неудержимо
Идти в последний смертный бой!¹³

Исполнив припев четыре раза, я вдруг отчетливо вспомнил разученные в детстве слова куплета и неожиданно для всех выдал:

Свору фашистов развеем, как дым,
Сталин ведёт нас – и мы победим!
Ведь от тайги до британских морей
Красная армия всех сильнее!

Малость обалдевший от моей импровизации Гайдар задумчиво посмотрел на меня и, в который раз достав свой блокнот, стал строчить в нем карандашом.

На звук «хорового пения», а вернее издаваемого шума, пришла Марина. Прислушавшись к незнакомым словам¹⁴, девушка склонила голову набок, а потом, дослушав до конца, неожиданно разрыдалась и убежала с полянки.

Тут уже не выдержал Альбикиков. Сержант вылез из кустов, с чувством обматерить нас за срыв важного допроса, но, увидев посветлевшие от воодушевляющих песен лица ребят, только махнул рукой.

– Хор-р-рошие вы ребята! – с непонятной интонацией в голосе сказал Аркадий Петрович после завершения концерта самодеятельного коллектива. – Игорь, а вот те слова, что ты спел... откуда они?

– В школе учил, – честно признался я.

Добавлять, что наш старый учитель пения в семидесятые годы не чурался давать школьникам тексты с упоминанием Сталина, тот же «Марш артиллеристов», я, понятно, не стал.

– Интересная у вас школа, – хмыкнул Гайдар. – Надо будет, как из командировки вернусь, зайти и с твоими учителями пообщаться... Какой у нее номер?

---

¹³ «Красная армия всех сильнее» («Белая армия, чёрный барон») – песня, написанная в годы Гражданской войны композитором Самуилом Покрассом и поэтом Павлом Горинштейном (псевдоним – Григорьев). Первоначально вторая часть припева звучала так: «С отрядом флотских товарищ Троцкий нас поведёт на смертный бой!»

¹⁴ Исполненное Игорем четверостишие было сочинено поэтом Петром Белым только в июле 1941 года.

– Сто семьдесят пятая, – спокойно ответил я, совершенно точно зная, что моя школа носила этот номер чуть ли не с момента создания общей системы городского образования. Детство я не в Южном Бутово провел, а в самом центре Москвы, на улице Горького.

– А, так твою школу я знаю! – немедленно среагировал Гайдар. – Несколько раз у вас был на встречах с читателями. Последний раз в конце прошлого года. И тебя там видел, то-то мне лицо знакомым показалось! Только ты с того раза... изменился. И выглядишь постарше, и...

– Последствия ранения сказываются, Аркадий Петрович, – машинально сказал я. Барский и Зеленецкий посмотрели на меня с белой завистью – им не повезло повстречаться с известным писателем до вчерашнего дня.

В общем, немудрено, что Гайдар видел «меня» на встрече с читателями. И дед, и отец, да и я учились в одной школе. Эдакая семейная традиция... Но если Гайдар сейчас начнет обсуждать подробности этих «конференций»... Чтобы увести разговор в сторону от опасной темы, я сказал бодрым голосом:

– Ребята, а пойдем на броневики посмотрим?

Парни удивились моему предложению, словно я сморозил несусветную глупость, но, переглянувшись, решительно встали, решив не перечить странному желанию раненого товарища. Привычно подхватив меня под локотки, комсомольцы бодро двинулись к месту стоянки техники.

– Подождите, товарищи! – окликнул нас Гайдар (а вас, Штирлиц, я попрошу остаться!). – Я с вами схожу, прогуляюсь. А то вернусь домой, пойду на встречу с ребятами, а они меня спросят, какие новые боевые машины я видел. «БА-10» – машина, конечно, не новая, но всё же...

Так вот почему Макс и Мишка таращились на меня, как на дурака! С их точки зрения, заинтересоваться давно изученными вдоль и поперек броневиками мог только малолетний школьник. Идти оказалось довольно далеко – наша главная «ударная сила» укрылась под деревьями на большой прогалине, где, судя по оставленным на почве следам, «ночевали» остальные машины разведроты.

Проверка матчасти была в самом разгаре – у поднятых, словно крылья майского жука, листов капота толкались локтями полдесятка красноармейцев. Видимо, все находящиеся водители решили устроить мозговой штурм по «поиску ушедшей в землю искры». Увидев нашу экскурсию, шоферы вежливо расступились, открыв нашему взору задницу сержанта Стерха. Верхняя часть Степана скрывалась в глубине моторного отсека. И как он умудрился нырнуть в такую узкую щель.

Из любопытства я подошел поближе, чтобы взглянуть на двигатель. Бляха-муха! И вот эта... штука каким-то волшебным образом двигает бронированный автомобиль? Да на моем детском мопеде стоял движок больших размеров! Присмотревшись, я с удивлением понял – у данного агрегата даже бензонасоса нет – судя по трубкам, топливо самотеком шло откуда-то сверху. Это что же – взрывоопасный бак установлен прямо над головой водителя? Охренеть! Да, блин, конструктора сего чуда инженерной мысли надо расстрелять перед строем за саботаж и вредительство. Причем перед строем тех, кто на этих «зажигалках» идет в бой! Ведь одна бронебойно-зажигательная пуля из простой винтовки – и грозная техника мгновенно превратится в братский крематорий!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.